

**ПАФОСНОЕ
СТРЕМЛЕНИЕ
НАЗЫВАТЬСЯ**

ле олей

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Ле Олей

Пафосное стремление называться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70366042

SelfPub; 2024

Аннотация

Младшей работнице Компании, которая создает новые Миры, надоело, что все они шаблонны до ужаса. Одни и те же бэд бои с туманным прошлым (один мужик на все романы), серая не-такая-как-все-героиня, вызывающая эпидемию спермотоксикоза, мега таинственные магические школы. И Консультант вносит авторские правки в один из типовых миров. Теперь sidecharacter – осознающая патриархат гг, и успех мира зависит от того, сможет ли она изошрённо сломать и подчинить могущественного ГлавГада этой истории. Примечания: мне надоели шаблоны. как в дуализме, так и мирах. это история в истории: Консультант, Тэ И, Мартин Сьюхочу рассмотреть природу силы изнутри, ковыряя болезненное и запекшееся социальное.

Содержание

—	6
Глава 1. Суть	10
Глава 2. Мир X или Внутри Тэ И	13
Глава 3. Четыре Башни	19
Глава 4. Извне Тэ И	24
Глава 5. Разные Я	35
Глава 6. План Тэ И	39
Глава 7. Другие притчи	47
Глава 8. Перемещение Тэ И	49
Глава 9. Внутри Мартина	56
Глава 10. Извне Мартина	59
Глава 11. План (на) Мартина	65
Глава 12. Перемещение Мартина	70
Глава 13. Ломка	77
Глава 14. Никто	85
Глава 15. Шаг	93
Глава 16. Лицо	96
Глава 17. Попробовать	100
Глава 18. Игрок	104
Глава 19. Театр	109
Глава 20. Сказка	115
Глава 21. Предпосылки вечности	124
Глава 22. Танец на Самайн	130

Глава 23. Рубеж веков	132
Глава 24. Всё просто	135
Глава 25. Только по ночам	136
Глава 26. Архетип Шута	142
Глава 27.	147
Глава 28. Полёт над смертью	151
Глава 29. Зверь	153
Глава 30. Восходящее Солнце	156
Глава 31. Река жизни	159

Ле Олей
Пафосное стремление
называться

Посвящаю Локи

333

Что-то в их обоюдном движении друг к другу позволило найти золотую середину в каждом, которая сквозь время, жестокость и происхождение нашла любовь.

Она требовательно притянула его подборок к себе.

Он с растворением в ней поддался, как и всегда. Но что-то в его открытости во всем мужестве противоречия себе, которую он сглатывал вместе с её влагой, слюной и кровью в течение многих месяцев, с таким сокрушительным признанием, сокрушило и её. Она мягче и медленнее обычного притянула его ближе, взяв лицо в свои руки, вжимаясь в его губы своими.

Он от удивления открыл глаза, и его ресницы затрепетали. Она ощутила это.

– Глаза закрой. А то я передумаю.

Он покорно закрыл глаза и неуверенно потянулся к её ладоням на своем лице, накрывая их своими, большими и теплыми. Она вздрогнула – не ожидала всего происходящего, и особенно то, каким приятным может быть ощущение своей маленькой руки в его. Какая она по-человечески теплая, слегка вспотевшая и мягкая. Она вспомнила кота Тимошу, как он любил класть свою крупную голову на её руки – давно забытое ощущение.

Но до этого надо было дожить.

Это нужно было пережить.

Это нужно было сделать.

Глава 0. До начала начал

Странно, но вы замечали, что почему-то самая питательная часто тьма?

Ты развиваешь свое сознание, искренне желаешь счастья, а установка "пострадаешь – напишешь гениальное" живет всех живых, машет ручкой из-за колонны какого-то там ордера (простите, давно не смотрела в память уроков МХК).

И вот ты стоишь, радуешься своему росту и новому сознанию, но ты же творец – а что творить? Заряд чувственного топлива будто не видит необходимости. И ты понимаешь, что это – иллюзия, и читаешь в поисках вдохновения скучные тяготные японские книги, но все еще сидишь в этом нерешенном чувстве.

Нет: ты не хочешь в ад и страдания, в навязчивые мысли, слив ресурсов и постоянное чувство, что тебя из себя вытесняет кто-то очень конкретный, ныне, слава богам, ушедший подальше (возможно, на войну).

Тебе реально хорошо – ты видишь широту возможностей, твое лицо худое и белое, а тебе это всегда шло, ты видишь, как хреново всегда не-выбирала друзей (ах да – выбирала или выбирал: уже неважно), и это прозрение.

Но в голове так и назревает риск нового повторения падения – падения в иллюзию необходимости страдания.

А ведь так не хочу в повторении застоя, которое ощуща-

ется как пахнущее помойное ведро семидневной давности с банановыми корками у носа.

Отчасти этот рассказ и рождается как искреннее желание понять, как жить, если ты развиваешься.

Может быть это кому-то покажется глупым вопросом, но для меня это всегда было важно, как для человека и дитя мифа о природе рождения.

Может это какая-то русская вещь, а скорее привычка обустройства своего внутреннего пути для позволения внешнего выведения ресурса.

Проще говоря, это алгоритм энергетического "щупания" баланса, который стал простым, удобным и потому распространенным в опыте людского схватывания.

На деле я обожаю думать об этом. О проектах энергии. Поэтому не отношусь к многим вещам серьезно, таким как политика и что-то такое. Ведь я вижу, что дело не в идеях, плохих или хороших. И даже (почти...) не в людях – но в вещи тонкой, почти невидимой, и оттого тотальной: способах течения процесса.

Схемах мира.

Например, благая идея равенства так или иначе скоро создаст свои страты, на новом уровне строящую не приоритетную инаковость, а это значит, неравенство. Однако в чем дело?

Просто в том, какие есть привычные модели чувства стадий идей и их течения. Как именно некая сущность, напри-

мер, идея и ее воплощение, фиксируется на слое больших схем течения или развития соотношения компонентов.

Я бы так и делала все это время. Проектировала такие модели, обновляла параметры реальности в мета программной лаборатории миров.

Но, увы, это мои мечты, которые делают меня по большей части несчастной и сумасшедшей девочкой. Возможно, все они правы.

Именно поэтому сегодня я иду на нормальное собеседование на нормальную работу. И пусть этим предательством себя я оборву боль последнего года.

Глава 1. Суть

«Реальный» мир людей – всего лишь один из многих, и по сути является продуктивной средой другим мирам. Это и есть его основная задача – давать место другим.

Как компьютер не осознает собственного интерфейса, так и мир людей не осознает реальности всех тех миров, что пачками размещаются на его платформе.

Именно этим и занимается моя компания. И я пишу этот текст вопреки того, что сейчас – пик сезона, мои рабочие часы ровно вдвое выше нормы, ряд проверочных контролей лежит грузом на шее моего фонового внимания, у меня побаливает задний зуб и даже, страшно подумать, между нижними передними зубами их отсутствовавшее расстояние будто стало темнее.

По последней страннейшей выдумке легко догадаться, что я в диком выгорании, ведь моя работа – шлак.

Давайте знакомиться.

Я – младший консультант фирмы, где создаются миры.

Я поступала на эту работу как главный герой, из абсолютного дна событий столь внезапно получивший золотой билет на фабрику Вилли Вонка.

И была абсолютно права: вид из Башни Миров, где мы и заседаем, озаряла все уже развитые и только зарождающиеся

вселенные, а все программы и системы соотношений между сотрудниками показались сказочными.

Но я в каком-то смысле упала на небесах на скользкий пол. Это произошло, когда я поняла, что мы штампуем все по одному канону.

Если честно, я приходила в эту компанию с амбициями про:

1. Власть

2. Женщин

Мне не нравится мир, где есть дуальности.

И мне не нравится мир, который движется по одинаковым проторенным дорожкам сложения энерго-линий.

А если эти дорожки, как видите, становятся стабильно постоянными, да настолько, что изнутри мира они воспринимаются как «а как еще???», то поздравляю – родилась закупка энергии.

Родилась власть.

И вот сегодня у меня настроение в спектре от «УЮТНАЭ КААААФЕЕ» до Вероники Степановой «Хотите, не надо со мной дружить».

А потому я смело беру очередной подъехавший документ в руки.

И, пользуясь доверием прекрасной начальницы, к хренам его переписываю.

Я пролистываю документы по Миру X – ходы, соотношения персонажей между собой (это называется роли), функ-

ции и допуски.

Раз я хочу все поменять, тогда...

Роль Главного Героя мы дадим Помогающей Подруге главного героя в этой истории. Потому что дефолтный тип соотношения дуальностей – проблема.

Также для нее добавим настройку осознания условий мира – рефлексий.

А то обычно мир реален потому, что его игрушечность не может быть осознана его обитателями.

Для злодея, кстати, тоже.

Так я сломаю то, какие линии базово могут быть выстроены в этой истории.

И так как это черновик, оставлю имена в виде функционала. Ведь это могли быть какие-угодно имена.

Хоть Т/И для главной.

Впервые обрадовалась, что ввиду дедлайна и доверия мою работу точно никто не проверит.

Так я закончила свою длинную пятницу.

А тем временем начинался новый понедельник...

Глава 2. Мир X или Внутри Тэ И

Мало кто знал, но карих глаз не существует. Любой карий глаз – это скрытый за зелёно-жёлтой концентрацией голубой пигмент. Проявленность этих цветов настолько высока, что они переходят порог различимости.

Тэ И всегда раздражала общая тёплая ассоциация с её глазами.

Шоколад, осень – все эти ассоциации будто были специально призваны подчёркивать её несерьёзность и мягкость, фоново всегда существовавшую исключительно помогающую роль, которая так часто символически отводилась женщинам.

В конце концов, все её блестящие способности упирались в ограниченную по масштабу мотивацию хороших оценок и помощи друзьям-мальчикам.

С самого начала своей учёбы в Магической Академии Мона поняла, что социальная жизнь не заладилась: люди во круг всё так же осуждали её за экстраординарность, а недостаток каких-то общечеловеческих валют власти, таких как красота, харизма, умение оказывать давление или влюблять в себя, не позволял всем просто признать её превосходство. Вместо этого все пытались его умалить – репутация блестящей отличницы будто бы играла злую шутку. С одной стороны, похвала учителей и очевидный факт, и расхожестъ это-

го эпитета среди других учеников не противоречили истине. Они просто сильно её искажали, присваивая ей совсем другие ценностные значения.

Эпитет зубрилы и всезнайки далеко-далеко задвигал уважение к её интеллектуальным способностям, врождённое умение работать с информацией, воплощать желаемое и владеть своей магией.

В конце концов, само наличие за ней первично аномального запаса сил и вовсе выпускалось из виду, потому что эпитет силы и гениальности был слишком высоким, чтобы общественность могла с ним смириться. Для смирения с ним людям нужно было больше внешних факторов её личности, таких как угроза, исходящая от неё, некий авторитет.

Но Тэ И всегда была довольно отречённым ребёнком не от мира от сего – её лучшими друзьями были её родители, и большое время, что она проводила вместе с ними, закрепляло её убеждённости в необязательности поиска друзей при их первично недалёком сознании, с которыми ей было просто скучно в общих играх или разговорах. Она свято верила, что интеллект и материи выше ясного мира – это единственное, имеющее значение, поэтому вкладываться во что-то ещё просто не казалось необходимым.

Но практика показала, что очень зря.

Даже её друзья, которые не могли сделать и шага без неё на поприще магии, признавали её интеллект в исключительных рамках ограждённых условий помощи.

Она не злилась конкретно на них – в конце концов, долгое время это амплуа вполне её устраивало, и она гордилась любым признанием со стороны, в какой бы урезанной форме оно не предлагалось. Ей было лестно получать похвалу и чужое одобрение.

Но в этом году всё было иначе.

Этот год дал ей время оценить себя в отдалении от рутины дружбы.

Уже с 3 курса она стремительно отдалялась от мальчиков, и 4 курс стал пиком этого состояния.

Она приходила к всегда значимому Другу 1 из чувства долга в не способности игнорировать своё понимание, как была нужна ему. Но он не готов был ответить ей тем же.

Она смутно ощущала, как вся история их жизней будто была написана для Друга 1, и потому минимально справедливый вклад в их дружбу с его стороны даже не подразумевался.

По сути за этот курс она увидела, что у неё не было своей жизни за пределами дел и перспектив двух её друзей. Самое удивительное, что ее факультет будто нарочно подпитывал почву для этого её неведения своими ценностями храбрости и дружбы. И эта подпитка довольно долго работала как по маслу.

По сути же она была безмолвной служительницей Культу Дружбы, отделённая от своих желаний и до конца не признанная в своем настоящем корневом превосходстве. У неё

даже не было подруг, не считая дерзкой Сестры Друга 2, так как все девушки казались не такими уж престижными кандидатурами для дружбы, в сравнении с двумя озорными мальчиками, которые борются против вселенского зла. А найти время на свои более мелкие и эгоистичные интересы Тэ И не могла себе позволить – это было бы слишком по-девичьи и мелко, а значит, стояло ниже её достоинства и того статуса, что она так страдательно старалась удержать в глазах своих друзей.

Наблюдения за другими студентами из иностранных школ и отношения с мрачным Горячим Парнем впервые натолкнули её на эту мысль – это был первый опыт, когда она была центром чьей-то вселенной за то, какой была по-настоящему, а не на вечной службе у высшего блага.

Она не уверена, нравился ли ей Горячий Парень, но ей нравилось ловить на себе его восхищённые взгляды и слышать завистливый шёпот его поклонниц себе вслед.

Однажды в библиотеке в обсуждении программы Другой Магической Академии она имела неосторожность открыто высказать пару своих гипотез о первичной природе тёмной магии. Горячий Парень сидел рядом, как обычно не пытаясь к ней даже придвинуться ближе – что её удивляло, но, как и его, совершенно устраивало, хотя в голове и висел немой вопрос.

– Всё, что ты рассказал о теории тёмной магии, необыкновенно интересно! – она говорила быстро и увлечённо.

– Я думаю, что природа такой опасности тёмной магии заключена в том, что по сути тёмной магии и нет. Это первичный импульс человеческой природы, существования человека, которое само по себе разрывает ткань бытия, является чем-то с отрицательным зарядом по отношению к монолитному и понятному миру.

И секрет тёмной магии в её максимальной предоставленности этому первичному положению человека, которое своим наличием пресекает общую неизменную ткань бытия. То, что тёмная магия напитывается, как правило, гнусными целями и эмоциями, уже вопрос социального управления...

Как только она это сказала, она подняла глаза на Горячего Парня и прочитала в его как всегда внимательном и не читаемом взгляде из-под тяжёлых бровей что-то новое, помимо знакомого восхищения.

Горячий Парень сдвинул брови и заговорил с самой неожиданной для Тэ И интонацией, которую она никогда не слышала в свой адрес прежде – это был трепет.

– Ты меня пугаешь, Тэ И. Тем, как естественно ты понимаешь то, о чём весь магический мир осмеливается только гадать на кофейной гуще.

Тэ И не знала, как реагировать, и ждала продолжения.

– Иногда я думаю, что твой ум только ширма для чего-то восхитительно страшного, – Тэ И уже хотела рефлекторно возразить, как всегда, когда Друг 1 или Друг 2 обвиняли её в цинизме и сухости, но этот импульс оборвался: она замети-

ла, какой благоговейный взгляд был на лице этого взрослого и внешне грозного мужчины из самой тёмной магической школы во всём мире.

Его учащённое дыхание можно было принять за похоть, но это был... восхищённый страх.

И Тэ И это понравилось.

Она поймала себя на мысли, что эта эмоция отражалась на лицах факультета злодеев, когда они говорили о своём Глав-Гаде, но она быстро отмела эту мысль.

Глава 3. Четыре Башни

Чтобы становиться новым человеком, надо идти вперед. Чтобы идти вперед, надо делать новое.

Другого рецепта нет и не было.

Поэтому первично я и пошла в ту сторону, которая всегда казалась только смутной мечтой.

Вспоминаю, как это было, сидя перед большим монитором в офисе на высочайшем этаже. За окном Башни – огромный мир в огнях разных жизней. Все кажется таким маленьким.

Если мой самодеятельный выпуск мира с атипичным поведением его героев, еще и без изменения шаблонов их ролевых обозначений на "нормальные" имена, в производство обнаружат, неужели я всего этого лишусь?

Я теряюсь в думах – состояние, когда ты не мог поступить иначе, не отменяет горечи риска потерь.

А еще недавно все это и не могло быть моим – обычное собеседование в IT-компанию оказалось собеседованием в компанию, которая буквально проектирует бытие:

«Мы занимаемся самыми разными проектами, благодаря которым существует мир.» —

на этих словах с виду совершенно обычная женщина наклонилась к столу, чтобы передать мне конфетку, похожую на ириску. Что-то пугающе магнетическое было в

этом жесте.

Двое ее коллег контрастно к ее дружелюбию смотрели на меня неприкрыто изучающе.

На мое саркастическое недоверие «А в совете директоров у вас сидят боги?», последовал комментарий о моей необычайной проницательности.

Я поймала себя на мысли, что этот талант у меня от отца – он тоже неожиданно удивляет меня раскрытием скрытого или точностью предсказаний, высказанных невзначай как шутки.

К слову, по критериям той должности скучного клерка, что я хотела занимать, я не прошла собеседование.

«У вас дурацкие вопросы. Процессы времени объемнее формы.» – примерно так я не ответила я на аналитический вопрос про определение времени на циферблатных часах, который вогнал меня в краску и панику.

Как мне сказали позже, именно этот проигрыш и гарантировал мне успех и должность в лиге моей компании – компании Первой Башни.

«Перед тем, как вы успеете отказаться, оставьте место для моего рассказа». —

Женщина напротив все также мягко ожидала моего согласия на ее продолжение речи.

Чувствуя себя героиней анекдота, я нетерпеливо кивнула, чему способствовал машинальный жест заброса ранее переданной ириски в ротовую полость.

Женщина, явно более довольная, чем минуту назад, отки-

нулась на обитую спинку:

«Существует всего 4 компании, расположенных в 4 Башнях, создающих миры.

У каждой из них свой подход в работе и отношение к процессам – например, есть одна, которая считается самой консервативной из всех – ее еще зовут Старая Башня. Она призвана сохранять или даже восстанавливать старые способы устройства реальности. Все контр-революции и идеи великого возврата – их продукты. И такой спрос...присутствует.»

Она помолчала, вероятно, ожидая получить внешнюю реакцию моего авторства.

Но я тоже молчала.

«Две другие совсем иные...» – она продолжила.

«...Башня Плача и Башня Смеха. Они считаются парными, и говаривают, что их основатели – брат и сестра. Традиционно в центре своих миров для этих компаний располагается интенсивное эмоциональное воздействие. Это движущая сила их процессов. Только, как вы догадались, в центре выбраны эмоции разных зарядов.

Все медиа проекты внешних феноменов эмоционационирования в основном поступают на реализацию им.

Можно сказать, что после обретения информационной средой доминантности в вашем слое реальности, произошел рассвет этих Башен.»

До меня интуитивно доходил смысл ее слов. Как из глубин своего до-социального знания. Прерывать рассказ нее хоте-

лось.

«И, наконец, есть наша компания – Первая Башня...»

Я поймала себя на мысли, что скромности им не занимать.

«... Именно с этой компании началось все, так как сама идея создавать миры для измерения обитания людей синхронна именно с деятельностью ее основателя. Нетрудно догадаться, что Первая Башня – самая инновационная и изобретательная из всех.

Основные проекты новшеств, от христианства до интернета, разработаны именно на этих площадках высоких над-небесных этажей.

Именно за это Первую Башню любят, и именно за этим к ее командам обращаются.»

Её рассказ закончился, и лицо вещательницы явно ожидало ответного включения с моей стороны. Что-то вроде возгласов «Вау», «Ух ты», «То, о чем я всегда смутно думала, оказалось реальностью моей мечты» было ожидаемым сюжетным реагированием – и оно было бы правдивым, из всего канона ситуации.

Но вместо этого я смогла позволить себе только одно – вопрос:

«Как именно создаются миры, тем более если ваши работники – люди, как я? Вряд ли это делается каким-то космическим бурением.»

Мне кажется, это был крайне планомерный способ уточнить, что вообще у них в этой башне происходит, и о чем на

самом деле, издали моих пониманий, ведется речь.

Люди напротив переглянулись.

Женщина, до сих пор ни одно из человеческих имен в моем сознании ей не подходило, заулыбалась еще лучезарнее:

«Историями».

И комната засияла солнечными бликами.

Глава 4. Извне Тэ И

После общения с Горячим Парнем, вечером этого же дня она как ни в чём не бывало вернулась в гостиную факультета: Друг 1 и Друг 2 вновь дружили, поэтому никто не заметил её отсутствия, так же как и возвращения.

Она почувствовала себя совершенно тоскливо от волны осознаваемого одиночества, которое шло за ней по пятам, как в мире не-магов, так и магов, друзей и врагов. Мужчин и женщин.

К тому же приближался Бал, и ощущение пропасти между всеми категориями населения Магической Академии только усиливалось.

Вся гостиная кишела людьми, и на устах была лишь одна эта тема, которая бесстыдно громко доносилась из каждого рта.

Сев в дальний угол гостиной, она про себя отметила, что по жизни она была невидимкой.

Но эти пять минут запланированных наблюдений растянулись на несколько бóльшее время, чем она на то рассчитывала. Потому что сегодня эти беседы не были так безобидны, как любые другие всплески в общей гостиной.

В общих чертах пересказа невнимательного слушателя это был бы обычный подростковый трёп.

Но Тэ И слышала больше.

– Никаких нормальных девочек не осталось. С кем мы пойдём на бал? Единственные будем без пары.

Друг 2 обыгрывал Друга 1 в магические шахматы.

Друг 1 удручённо покачал головой в ответ:

– Я обязан быть с парой как открывающий бала...

Друг 2 сочувственно охнул:

– Остались одни уродины. У Элизабет прыщи на весь лоб, а Падма – дылда, – Друг 1 понимающе гоготнул, и к нему присоединились сидевшие неподалёку от них фоновые персонажи-мальчики.

Тэ И в углу гостиной закипела от двух основных эмоций. Она не была уверена в серьёзности своих чувств к Другу 2, но он ей определённо нравился, и ей казалось, что это взаимно, потому слышать, как она даже не промелькнула в голове в качестве потенциальной партнёрши, было попросту больно.

Но больше её прожгла внезапная злость от нормализованности того цинизма, что эти два недалёких мальчика естественно позволяли себе в адрес симпатичных и в общем интересных девушек.

Обсуждение женщин, как товара. Сквозившая во всем контексте мальчишеских обсуждений непререкаемая конвенция их внутренней правды – правды права говорить именно так.

Конечно, она и раньше это замечала, но ей хватало такта закрывать на это глаза через общую плашку фильтра виде-

ния себя в этой картине как исключения. Казалось, что плохое мнение и грубые реплики о других девочках становились её личной заслугой, и оттого подтверждали её исключительность и признанность.

Но будничность слов, с которой мальчики откровенно сверху вниз смотрели на девочек, быстро развеяла эти иллюзии.

– Вообще-то, Друг 2, прыщей у неё совсем немного, и она очень симпатичная. А Падма прекрасный человек, и в немагическом мире была известной баскетболисткой юниором, – не смогла сдержаться Тэ И на волне поднявшегося в ней гнева.

Все недоумевающе обернулись к ней.

Друг 2, явно обескураженный её тоном больше всех, вдруг неуместно весело воскликнул, как будто Тэ И всегда была здесь активной и ясной частью общего разговора.

– Тэ И! Ты же девчонка.

На лице его воцарилось удовлетворённое, почти триумфальное, выражение.

Тэ И, с трудом сдерживая себя, саркастически подняла бровь.

– Какое пронзительное наблюдение.

Её реплику поддержал Друг 1 сочувственной улыбкой – этот маленький жест внутри ситуации будто напомнил ей, почему они всё-таки дружат.

– А пойдёшь с нами на бал! Со мной и с Другом 1! Мы будем

с парой, и тебе не так обидно...

Еще минуту назад Тэ И сильно поспешила, опознав свои эмоции, как гнев, когда слушала этот мерзкий разговор. По сравнению с её чувствами сейчас, это было минимальное доступное ей чувство досады. А вот сейчас она неконтролируемо запылала.

Друг 2 тем временем искренне радостно и невозмутимо смотрел на неё, явно ожидая ответа.

Тэ И густо вдохнула воздух, чтобы хоть немного собрать себя в кулак.

– Нет, я не могу пойти с тобой и с Другом 1 на бал.

Она уже думала развернуться в спальню девочек, но Друг 2 не скрыл своего искреннего непонимания

– Ну почему?

Тэ И терпеливо продолжила:

– Потому что меня уже пригласили.

Ну почему с каждым её словом всё становилось только хуже?

Друг 2 откровенно открыл рот.

– Тебя??? Это кто? Неуклюжий Неважный Друг 3? Мы не будем смеяться – нам-то ты можешь сказать правду.

Ну это уже было слишком.

Тэ И перешла на злой крик.

– Нет, и это не твоё дело! И тебе бы стоило допустить эту возможность заранее, а не унизительно намекать на мою непривлекательность с попыткой бросить мне подачку в ви-

де твоего жалкого приглашения! Или озаботиться заранее и пригласить меня раньше всех!

Она резко развернулась и побежала к спальне, пытаясь подавить свои слёзы.

За спиной слышались возмущённые возгласы, и теперь они её совсем не волновали.

***

Сегодня ей повезло – она забежала в пустую спальню. Все её соседки давно встречались с парнями и часто либо не ночевали у себя, либо возвращались уже под утро. Она догадывалась, что в основном они оставались в Магической Деревне у взрослых волшебников, либо вскладчину снимали гостиницу в «Неспящей сове», потому что ей представлялось мало вероятным остаться у кого-то из мальчиков на ночь в спальне. Если только речь не шла о старостах.

В любом случае, в одиночестве она спокойно могла выплакать всю свою боль, не сдерживаясь, как всегда делала на публике и особенно при мальчишках. Всегда нужно было быть на стороже, чтобы не прослыть слабой плаксой. Хотя, вероятно, именно этот эпитет сейчас и летел в её спину за глаза.

Тэ И не врала – некоторое время назад Горячий Парень пригласил её на бал, и именно сегодня она дала своё согласие. И всё же, она легла на кровать, обхватив себя руками. Ей было больно, что она не нравится Другу 2, мальчикам в целом, но особенно резко её ударило осознание, что все её

беды от того, что она девочка.

Она никогда не считала свой пол слабым, и не хотела быть кем-то иным, но она всегда как само собой разумеющееся рассматривала тот факт, что ей было важнее одобрение мальчиков, чем девочек, что у неё никогда не было близких подруг, и что в центре всеобщего восхищённого внимания были мальчики. Даже в её дружбе с ребятами, будто её интеллект был на правах обслуживающего инструмента, а не силового права.

Символическая сила – вот что будто бы всегда притягивалось или априори причислялось мальчикам, причём в том числе ей самой.

Девушки же, такие, как Высокомерная Стерва или Заискивающая Милашкагг, пользовались популярностью по причине максимальной непохожести на молодых людей, какой-то не-настоящности – вот по ним и сохли Друг 2 и Друг 1.

От осознания этого Тэ И затошнило. Она ощутила себя в ловушке системы, которая вроде бы активно никак не вторгалась в её жизнь, но при этом все поверхности были пропитаны именно ей.

И именно в этот день всё изменилось.

И далеко не только для Тэ И.

В этом учебном году случился инцидент, в котором она поняла, что не полностью использовала свои магические способности из слишком милосердной оценки внешнего ми-

ра. Её крупные передние зубы были случайно увеличены до огромных размеров, и она немного схитрила, когда сказала врачу, что они первично были меньше и ровнее.

Разница между её образом была очевидна – вместо зубрилы-бобра – симпатичная интеллигентная девушка.

Правда, её ближайшее окружение пока изменений акцентно так и не заметило, помимо общей фразы Сестры Друга 2 и Неважной Соседки, о том, что «что-то в ней изменилось».

Так Тэ И поняла, что мельчайшие детали колоссально влияют на характер твоего образа и обеспечивают тебе те или иные права в жизни – а еще она поняла, что полагала внешний образ чем-то неважным очень напрасно. Внешний образ виделся ей волшебной палочкой волшебника – он собирал и направлял силу волшебника, и подходящая под задачи и свойства магии палочка создавала абсолютный зелёный коридор успеха.

Стихийная магия детей же могла быть и чаще всего была разрушительна из-за отсутствия средств опознания своей силы, а чаще даже не до конца раскрытой. Сейчас Тэ И была именно такой стихийной магией.

Как только она успокоилась, она подошла к зеркалу со всей решимостью. Целью её не было сокрушение по поводу даров природы – в этот момент её острый ум был напряжён из самых аналитических мотиваций.

Перед ней стоял сложный вопрос:

Что в её образе было препятствием выражения её интел-

лекта?

На этот вопрос она довольно быстро нашла ответ – её образ не демонстрировал личной силы.

Можно возмущаться на этот счёт сколько угодно, но её слишком милое лицо и бегающие глаза не вызывают влекущего доверия, а также ясной отдельности от мира в том или ином параметре. И да – существует набор черт во всём экспрессивном рисунке, которые заведомо обеспечивают другой ассоциативный ряд личности.

Будто бы некоторые явления жизни заколдованы, и таинственный код, отпирающий замки, это верное соответствие визуальному паролю.

Тэ И всегда считала себя симпатичной. Высокий лоб, большие глаза, хорошая симметричность лица.

Строго говоря, дело не во внешности самой по себе – и она видела это сейчас. А в том магическом послании и фокусировке, что находилось в твоей внешности.

Тэ И всё ещё стояла у зеркала и смотрела куда-то сквозь, проносясь через свою память. Вспомнив, что она волшебница, что она в минуты стресса уже порой забывала, она подошла к кровати и наколдовала архивный альбом всех фотографий студентов, сделанный в этом году.

Она вглядывалась в лица учеников и понимала, что первое в её жизни интуитивное предположение о «коде внешней силы» было верным, но чётких рациональных критериев ему она пока подобрать не могла.

Однако таких наборов, пакетов визуального канала прав (как привычно сложно думала Тэ И) было ограниченное количество, и каждый из них выступал для своей цели. В мире не-магов это называлось ассоциацией по внешности.

Каждый такой набор будто указывал на набор прав, на который ты претендуешь, и соответствие с этим раскрывалось, как правило, довольно чётко.

Например, яркая Сестра Друга 2 будто бы органически проявляла свой огненный характер, как звёздная и взрывная девочка, через мимику на школьном спортивном состязании. Друг 2 был из другого теста по всей посадке в пространстве, что транслировал его несколько прижатый к земле образ.

Непохожие Высокомерная Стерва или Заискивающая Милашкагг, роковые красавицы, обладали также похожим между собой набором черт – выразительной нотой мягкости, что так по-разному, но очень узнаваемо раскрывалась на их лицах.

Даже у Задиры Друга 1 на лице была печать вселенского презрения, и это было третьим из замеченных ей наборов.

Гермиона отвела взгляд от альбома, со страниц которого ей улыбались знакомые и незнакомые лица, и невольно поймала себя на приятной мысли, что пример Высокомерной Стервы или Заискивающей Милашкагг подтвердил, что дело отнюдь не во внешности самой по себе, но тем не менее в чём-то неуловимо внешнем.

От этого ей стало легче.

Тэ И подошла к окну – гладь озера, на которое выходили окна её спальни, всегда успокаивала её мысли, приятно структурировала.

Ей пришёл ослепительный вывод – существует набор магического права волшебника, который закрепляет себя во внешних и физических качествах своего носителя, тем самым изменяя внешность и жизнь. То есть, строго говоря, внешность не имеет значения, но история хранения прав с отпечатками во внешнем – имеет.

В итоге истинным оказался единственный парадоксальный вывод – дело не во внешности, но во внешности. И это теперь полностью имело смысл.

Чёрная гладь озера задралась, словно подол юбки, от дуновения ветра. Тэ И нахмурилась.

Логично было подумать, что история магических прав во внешнем слое волшебников, как оно было испокон веков, влияет на весь магический протокол сохранения этих прав. Значит, наличие этих протоколов, их количества и определённого набора, можно считать данностью истории за счёт очень постепенной пластичности этой материи. Тогда те или иные стандартны внешних видов носителей этих кодировок обусловлены историей, и ей же ограничены.

Для Тэ И постепенно стало вставать на место символическое поле дисбаланса мужчин и женщин даже из обусловленного списка лиц, которые она изучала. И разница эта дале-

ко не скрывалась в факторе пола. Отсутствие у женщин одинаковых положений с мужчинами создало и закрепило эти ложные связи, и по мере погружения в магическое сообщество, будучи человеком определённой категории, препятствовать плавному растеканию влияния этого как бы «естественного» положения дел не приходилось.

Тэ И вновь подошла к кровати, села на неё, подняв палочку – ей нужно было призвать весь список старост и самых успешных учеников за всю историю школы.

Самые выдающиеся маги, которые учились здесь, смотрели на неё со страниц альбома. Ей нужно было изучить их набор – вывести общий фактор.

А вопрос воплощения уже станет вопросом времени.

Она открыла возникший перед ней список лиц. Автоматически её взгляд упал на самое бледное лицо страницы – на Мартина Сью: будущего ГлавГада известного ей мира.

Глава 5. Разные Я

Вопрос творчества и жизни человека. Вечно ли человек творит?

До начала работы в Башне я активно горела, как подожженный бензин: без ощущения последствий или заботы о выгоде, но со знанием смысла и цели.

Сейчас остается оглядываться и анализировать свои успехи более зрелым органом на расстоянии.

Нежели период активного производства прошел?

Компании покупают нашу молодость и время, стирая наши импульсы живой природы в труху.

Забирают творцов «в прошлом времени».

Поэтому юность я никогда не рассматривала, как время фигни – это эра, когда у меня есть максимальное время.

Нет, на деле нет трагедии никакой, и конечно же все иначе: но я в эту секунду так не чувствую.

Если вообще у момента есть секунда и какая-то делимость.

Вот до доступа к проектам создания реальных миров, я исписала всю память айфона в заметках альтернатив.

А сейчас?

А сейчас надеюсь достать документ проверки статуса о состоянии того единственного эксперимента, на который я осмелилась за долгое время.

Как я видела в системе, он уже выпущен в продуктивную среду.

«Шалость удалась», надо радоваться. Но мне страшно. Что же вышло там, в реальном последствии моего продукта творчества?

Психологи говорят, что ряд проблем с пищеварением напрямую связан именно со страхом «выпустить творчество», а также с вопросом родительской сепарации.

Поэтому пока я думаю, что мы дробим себя на разных людей, и более старшая версия готова продвигать сделанное младшей.

Разные жизни могут проживаться и более единомоментно: когда запускаешь разные версии дня, на его исходе обретая итог кумулятивного опыта.

Но в версии выше человек скорее обретает себя более длительно – он распределеннее запускает свою жизнь из разных точек позволения...

Это значит, что такие разные, в нас живут новые люди и миры, но мы едем в метро, и никто этого не замечает.

Так после работы, под землей, мне встретился парень. Такой же, как Вася среди обычных подростков в вагоне метро – все обычные, а он кудрявый, спящий, с гитарой, в вельветовых штанах.

Это было довольно смешно – как мало мне надо, чтобы обратить на мужчину внимание. И какие одинаковые срезы времени попадали в моменты.

Буквально в такой же социальной комплектации я впервые увидела Ваню, когда мне было около 5-7 лет.

Этот парень был младше меня, и у него было совершенно такое же безликое опухшее лицо, как и у всех парней из компании. Но очень красивые руки в срезанных на пальцах перчатках. Я даже начала их украдкой фотографировать, чтобы стоящие рядом его друзья не заметили. Он сидел прямо напротив, и если присмотреться ко мне в тот момент, я наверняка выглядела как сумасшедшая.

Мы больше всего запоминаем тех людей, которые множатся в нашем сознании. Как правило это те, кого мы очень долго знаем. Мы пытаемся собрать их в один монолитный образ, поэтому чувствуем к ним больше, чем к остальным. Ведь во времени человек становится уже совсем не собой.

Я подумала, что обещание Васи написать мне до нового года дано вовсе не мне и того мужчины, что это говорил, уже не существует.

Это тот мужчина это говорил. А нового я совсем не знаю. И говорил он это другой, совсем другой мне, которой тоже уже давно нет. Значит, он ничего мне не должен. Потому что это не он и не я

Стало легко.

Стало обычно.

Слово «обычно» звучит как комплимент из уст Бананы Есимото. Странная писательница, которую нужно читать без перерывов – иначе магия монолитности её чувства стреми-

тельно распадется на мелкие части.

И все же нужно найти доступ проверки состояния выпущенного мной мира.

Глава 6. План Тэ И

С момента её судьбоносного стояния у зеркала прошла неделя. Она тщательно изучила фотографии старост и других учеников и убедилась в своём наблюдении еще более радикально – девушки не допускаются в мир высоких символических достижений за счёт идеалистического стремления женщин к другим стандартам. И внешняя трансляция здесь, конечно же, также замешана. Суровый взгляд, яркая линия лица, острота и основательность во внешних чертах сменялись для девушек стандартом лёгкости и в той или иной степени инструментальной наивности. Достаточно эпитеты handsome и beautiful сравнить. С одной стороны, это удручало, а с другой – Тэ И уже успела привыкнуть – перед ней наметился отличный проект.

И этот проект – она сама.

За это время она успела опознать внешние критерии того, что ей нужно, что ей это даст и написать подробный план, как этого достичь. Она стала ещё больше времени проводить в библиотеке, ходя с тайным списком ингредиентов для зелий и ингредиентов длительных ритуалов вдоль книжных полок. Её молчаливым спутником был Горячий Парень, всегда вовремя выступавший в роли старшего товарища на предмет уточнения литературы по некоторым редким активирующим физическое воздействие заклинаниям. Оказывается, многое

из того, что относилось к физическим изменениям на постоянной основе, что по вычислению Тэ И распаковывало набор новых магических прав от противного, многими авторами классифицировалось как тёмная магия. В целом никакой чёткой системы деления не было – в магическом мире велись активные дискуссии еще со времен основателей, и Тэ И сделала вывод, что магический мир по своей сути был заточен на сохранение стабильности принадлежности магических прав/протоколов.

Тёмная магия – магия дозволенного влияния.

Так Тэ И составила свой список изменений и необходимых навыков, которые она должна была обрести, чтобы измениться.

***

Впервые её год проходил в работе, которая была посвящена только ей, помимо экзаменов и помощи упрямому Другу 1 (главному герою истории первого варианта истории Консультанта по совместительству).

В список входило многое из визуального эффекта и фактического изменения состояния её базовой стихийной магии.

Зелья и магия волевого изменения на обострение черт лица, на внешнее утяжеление и затемнение волос, на усиление контраста внешности, на увеличение плотности в её ранее визгливом голосе, также – зелье на увеличение объёма физической силы и исправление сколиоза, куда привела её на-

тура книжного червя. И другое.

Всё это было отнюдь не просто разовой микстуркой – каждое зелье очень сомнительного вкуса нужно было подкреплять физическим действием: реальными тренировками в случае тела и удержанием одного закрепляющего новые черты внешности заклинания в течение минимум минут 30. На это уходило катастрофически много магических сил, поэтому наработка магического поля, которой Тэ И занималась параллельно, шла рука об руку и была очень кстати.

Тэ И зарывалась в учебные пособия (выписанные не без помощи Горячего Парня, упорно находящегося в её компании), которые раскрывали такие дисциплины, как теория и практика магического влияния полем волшебника, настройка линий судьбы, и также магическое впитывание силы из различных источников, и многое другое. Оказалось, что всё это первичная магия, которая стихийно действует у каждого юного волшебника и потом забывается из-за появления одного инструмента направления сил на предметный мир.

И вся эта магия в развитии большинством ранее знакомых ей источников школы классифицировалась как тёмная.

Другая Магическая Школа же, напротив, уделял этой магии бóльшее внимание, и знакомство с Горячим Парнем было очень кстати.

Однажды он заговорил про любовную магию.

Тэ И поморщилась.

– И в чём же смысл? Все эликсиры любви кратковремен-

ны, и эта дешёвая манипуляция страхом брошенности людей, а также общественным давлением на архетип женского счастья.

Да — Тэ И попросила выписать из дома пару не-магических книг по психологии, для освоения важных и понятных ей структур влияния. И до сих пор не понимала, почему же маги не проходят это в своих школах?

Горячий Парень улыбнулся своей характерной, почти незаметной улыбкой, которую Тэ И уже научилась различать.

– Тэ И, это не про эликсиры.

В основе своей любовная магия – и есть магия как таковая. Просто потом это забылось, и ядро этого искусства нашло большую площадь реализации. Это ведь ядро направленного потока, которое организует течение сущности, процесса или человека. И это умение проникать в суть и двигаться этим пониманием – и есть основная сила.

Конечно, узкое применение также работает, но стоит за этим большое и великое поле возможностей.

Так Тэ И поняла, что по-настоящему стала понимать магию только сейчас, и конспекты с пересказами Горячего Парня, которые пришлось магически перевести на английский, стали важнейшим элементом её самообучения.

За это время многое успело произойти – впервые по-настоящему происходила своя Тэ И, которую мальчишки всё больше по мере её развития обвиняли в холодности.

Наконец, наступил конец года – страшный момент, когда

Друг 1 вернулся с трупом Фонового Персонажа-Жертвы на руках и криком о том, что ГлавГад вновь в теле и силе.

Если бы не весь путь страданий в спартанском ритме развития, что прошла Тэ И, прямо сейчас она бы безоговорочно призывала импульсивного Друга 1 не действовать самостоятельно и просить о помощи у Мудреца Наставника, являясь верной боевой подругой, как и всегда до этого.

Но Тэ И уже была не та – и её план был уже не тем, что раньше.

Впереди у Тэ И было лето, чтобы обратить всю себя в силу и вернуться в прошлое к Мартину Сю, сокрушив его становление ГлавГадом.

***

Пятый курс должен был вот-вот начаться – она шла с ребятами по поезду, ища свободное купе. Все за лето не успели отдохнуть – после 4-го курса каждый значительно помрачнел, будто черты каждого перевели в новую редактуру цвета, новое дарк издание. Это общее изменение будто немного сглаживало углы вызывающей восхищенный шёпот и эффект не-узнавания Тэ И – её изменение можно было списать на более общую социальную причину, которая была просто прожита интенсивнее.

Тэ И мрачно подмечала, как людей инстинктивно манила тьма, даже сугубо эстетически.

Пока мальчики переговаривались между собой, она плавно плыла по тёмной воде своих мыслей.

Тэ И уже успела оформить новое годовое соглашение о пользовании маховиком с Суровой Учительницей, используя свою безупречную репутацию отличницы, и всё, что ей нужно было – выбрать момент своего перемещения. Она полагала, что первый день учёбы подошёл бы как нельзя кстати.

За лето Тэ И ни дня не отдыхала – она совершенствовала токи управления потоками магии, общую осведомлённость в психологии, в архетипах и, конечно, продвинутые заклинания из её личного плана обучения. Всё, что могло ей пригодиться быть лучшим оружием против будущего, которое ГлавГад творил прямо сейчас. Сотворил с Фоновым Персонажем-Жертвой.

Также она подробно изучила магию времени и временных линий, раз это было то, что напрямую составляло сеть её плана.

Было ясно, что грубое сокрушение Мартина Сью в прошлом не изменит историю, так как потенциал зла, кем является Мартин Сью в этой ветке жизни, будет попросту перенаправлен на кого-то ещё. Когда она узнала об этом, за разочарованием в центре солнечного сплетения она ощутила азарт.

В этом смысле само присутствие её, человека из будущего, шло на руку, так как позволяло быть осведомлённой больше нормального. А также фигура будущего зла в виде ГлавГада была неизбежна, и ни к чему было менять носителя этой функции – давало фору. Тэ И узнала, что потенциал истории – это наличие условий, которые находят выражение.

Поэтому изменение будущего никогда не совершается прямым вторжением.

Вместо этого главным инструментом является перенаправление начальных сил. То есть создание канала другого преломления и направления сил зла, которые в известной ветке реальности сосредоточены в парне по имени Мартин Сью. Но слова про зло слишком абстрактны, чтобы быть действенными. Поэтому задача Тэ И – изучить природу того преломления злости, что сделала Сью лучшим носителем своего потенциала, и перенаправить эту злость.

Как – она пока не знала. Но это могло быть что угодно. Пример действия мог быть как простым, так и сложным: эмоции у любых, даже не магических детей, работают по той же модели. Ребёнок, который интенсивно плачет, очень легко может начать смеяться при изящном направлении его эмоциональной интенсивности в противоположную сторону. Даже сам физиологический рисунок рта открывает возможность этого. Остаётся только быть в контакте, знании и чувстве момента.

В масштабе истории это работает, несомненно, массивнее – потенциал исторического события нельзя так просто перевести из минуса в плюс, но можно найти другое место преломления сил.

Но это уже болтовня – доехать бы до школы и переместиться в начало следующего года.

– ...будешь шоколадку?

Из мыслей Тэ И вырвал улыбающийся Друг 2 со следами шоколада в уголках губ, протягивающий лакомство. Они уже некоторое время были в купе.

У Тэ И защемило сердце – она старалась гнать от себя мысли о расставании с дорогими ей людьми в тайне с неопределённым результатом.

Ведь все операции переноса во времени были строго ограничены по периоду допустимого пребывания, и такие огромные нырки во времени были вдвойне опасны. Её добровольная ожесточённая самоизоляция и взрощенная глобалистическая обида значительно нарастили ей панцирь по отношению к людям как таковым, но такие крошечные моменты теплоты, как этот, были как омега для Бальдра, временно прорывая защиту и возвращая Тэ И в желание дарить тепло таким дорогим и нелепым ребятам, которых когда-то она любила больше всех. А теперь? Кого она вообще любит?

Эх, Друг 2. Знал бы ты, как бы всё пошло иначе, позови ты меня на этот чертов бал раньше всех.

Но эти мысли пронеслись в ней молниеносно.

– Конечно, Друг 2. Спасибо.

Она улыбнулась в благодарность не сколько за лягушку, сколько за момент этого молниеносного и чистого чувства жизни.

Как только лягушка растаяла на её языке, это закончилось.

Глава 7. Другие притчи

Я слушаю альт-рок или как представить себя в одну строчку. Жесткость на базе внутренне тягучей от внезапно открывшегося потока себя мелодии, при этом с условным зарядом от классического понимания жанра.

В Башне много возможностей: в конце концов, индустрии событий проектируют истории.

Мои коллеги – люди своих участвующих историй, первично дошедшие до такого уровня бытия и работы за счет мобильности и ориентированности в будущее.

Но сейчас я ощущаю только то, что мой отдел занимается тем, что вскоре должно быть напрочь заменено новыми уровнями технологичных решений. Даже изложить свою боль в формате этого написания не получается – слишком большой уровень прожитого и уже нажитого страха.

Нет: новый формат подготовки миров давно назрел. И своими политиками я должна вывести его в мир.

Хотя это бывает не так просто при всей искренности себя. Ситуация на уровне «мне удобнее быть вечным разведчиком», чем открыто заявлять о своих внутренних и внешних завиральностях.

Как я устала жаться в комок.

Приятно видеть, судя по свидетельству о Моем Мире, добытом из милого знакомства, что хотя бы моя героиня не

жметя.

Хотя бы она.

Может на другом этапе взгляда смогу и я.

Глава 8. Перемещение Тэ И

План Тэ И был основан на логике, компетентных знаниях о свойствах магических предметов и особом чувстве своей исключительности, которое выталкивало её за пределы привычного поведения и раньше, например, бросая в омут приключений во имя светлых сил. Сейчас ситуация своего ощущения жизни в этом паттерне для Тэ И как бы повторилась, только в совершенно другом масштабе. Теперь то, что она прикрывала перед собой ширмой благородных намерений и коллективистского желания быть полезной, показало себя объёмнее, и на этом объёме был некогда невиданный для Тэ И рельеф.

Это было острое чувство исключительности, которую отныне мелко было «подтверждать» – этому потоку нужно было дать выход. Да, она искренне хотела помешать ГлавГаду, но у желания были более длинные личные корни.

После открытий о строении общественной жизни, ещё начиная со дня просмотра альбомов студентов, по мере кропотливого пересобираания себя по кирпичикам, Тэ И начинала понимать, что всё окружающее будто стало ей малю. Мир, который был когда-то её миром, растворялся, и она почти рефлекторно поддерживала видимость своего бывшего вовлечения в него. Тэ И уже узнавала у Горячего Парня, какие были возможности для перевода в Другую Магическую Ака-

демию, раз это место больше не отвечало её потребностям. Интуитивно же в ней поднималось чувство, что дело было в чём-то ещё. Что этого не хватит.

«Чтобы быть желаемым, нужно жить такую жизнь.» Удивительно, что Тэ И прочла это в глазах будущего вселенского зла. Юноши с аккуратными чертами лица по имени Мартин Сью. Его лицо было юным, свежим, но будто черпало тайный ресурс без подчинения или обмена тем системам, что давали ему его сформированность.

Так Тэ И впервые поймала себя на мысли, что этот волшебник достиг успеха именно тем незримым знанием потоков, которые природно достались ему как переданные в наследство. Её охватила зависть – он был эталонным примером той силы, которой добровольно подчинялись. Которой не хватало ей. И она взяла это на вооружение.

С тех пор прошло время, и после событий Турнира Школ её постепенное движение в сторону слишком неаккуратной мысли завершилось на пике: Тэ И должна была сокрушить Мартина Сью до его становления ГлавГадом истории. И для этого она обязана была стать совершеннее. Усиленно нарабатывать всё данное кому-то от природы до абсолюта. Все её планы и чаяния сходились в этой точке – ей было непонятно, что делать с тем миром, что жил вокруг неё прямо сейчас, и при этом она искренне хотела завершить те страдания современников, что вовсю происходили в настоящем. А ещё Тэ И мечтала победить ГлавГада лично – того единственно-

го соперника, которого она видела перед собой из большой мотивации личного становления.

А еще год назад это было бы сумасшествием.

Так, по прибытии в замок, после церемонии и получения в своё распоряжение Перемещателя Во Времени, Тэ И, сидя на полу в туалете Первой Жертвы Главного Злодея, отсчитала необходимые повороты и полетела по туннелю времени в далёкий 1943 Школы.

***

Начальная стадия плана прошла как по маслу. Уже 2 дня как Тэ И была таинственной ученицей из Другой Магической Школы, которая оказалась на пороге с письмом об экстренном переводе ввиду политических гонений на британцев. Знание истории магии, особенно в широком контексте – великая вещь. Как она и ожидала, определили её на Факультет Гавнюков за счёт статуса её бывшей предполагаемой школы. Нынешний директор школы – Профессор Лопух – оказался наивным доверчивым старичком с безупречным авторитетом, поэтому дополнительных трудностей с фальсификацией её истории не возникло. Культурные различия можно было списать на ориентализм её места учебы, а остальное – вопрос уверенности своего взгляда. К слову, интересное наблюдение – Тэ И отметила, что порой наибольшая уверенность производится при внешнем гипертрофировании её создания. Хочешь сыграть пьяного – делай вид, что скрываешь своё состояние. То же здесь, только в обратном

порядке.

Только учитель превращений – профессор Мудрец Наставник, чрезмерно долго задерживал на Тэ И взгляд своих пугающе светлых глаз в большом зале. Его глаза будто уже выцвели, увидев слишком много, или ещё не успели насытиться чем-то достаточно живым. В эти моменты Тэ И становилось не по себе – никогда ранее она не обнаруживала себя в числе потенциальных недругов Мудреца Наставника, да и сейчас она по сути им не была – напротив. Однако явные подозрения будущего директора Школы, намеренно скрытые от остального учительского состава, быстро дали понять, что пока Мудрец Наставник открыто не обозначил тебя своим другом, ты можешь смело считать себя его врагом. Это было потенциальной проблемой, с которой нужно было разобратся.

Однако ничего важного пока упущено не было – Тэ И, к её счастью и удивлению, временно поселили отдельно, так как все общие комнаты были на данный момент заняты, и на магическую перестройку гостиных требовалось некоторое время. Её комната была недалеко от входа в общую гостиную Факультета Гавнюков, со смежным коридором. Занятия пока не начинались – оказывается, Школа в те времена организовывал первую адаптационную неделю, в которую ученики знакомились с замком и друг другом. Эта старинная либеральность удивила Тэ И, но и отчасти облегчала ей задачу. Дополнительные процедуры были нужны новоприбыв-

шей Тэ И, которую сегодня для согласования расписания и знакомства ждал в подземелье декан факультета – по идее, это должен быть Учитель, Который Случайно Помог Главному Злодею.

За эти 2 дня Тэ И, а, вернее сказать, с Тэ И, успели познакомиться основные представители будущего поколения пожирателей. Все они оказались весьма милы – а Аристократка из группы плохишей даже слишком, что не могло быть просто так. У этой девушки были свои границы и чёткое понимание своих и чужих.

Дедушка ее Школьного Недруга был более старомодной копией Недруга младшего – не только отпечаток времени создавал налёт шарма. Более тяжелый подбородок, густые волосы – а всё-таки чистокровные волшебники не обошли вырождение стороной, злорадствовала Тэ И. Из всей компании у него была самая чистая улыбка, чем-то отдалённо напоминавшая ей Друга 2. Забавно, но первично к ней обратились как к «Мистеру» – общая маскулинизация её экспрессии с учётом гендерных тенденций этого времени создала забавное последствие.

Две Язвительные Пешки были как братья-близнецы Друга 2 в альтернативной вселенной – их мрачный сарказм скреплял вышеназванную компанию, и эта роль мрачных шутников без улыбки была им явно привычна. Здоровяк, какая неожиданность, был самым грубым из всех гавнюков даже по меркам родной для Тэ И эпохи, и эта социальная неуклю-

жесть была поводом общественного сомнения в его гавнюковской сущности. В любом случае, сейчас все змеиные словесные реверансы были продиктованы потенциальной выгодой узнавания тайных сведений про Другую Магическую Школу (из которой якобы она была родом), а также созданием комфортной дистанции для дальнейшего прощупывания почвы моей социальной полезности, сразу обозначила для себя Тэ И.

Так что, по аналогии со своим опытом столкновения со студентами Другой Магической Школы, Тэ И не была слишком открыта и разговорчива. На данном этапе не было сильных поводов и связанных с этим неудобств, и, судя по наблюдению за аурой социальной интеракции в её отношении, это было правильной стратегией, молчаливо нарабатывающей необходимый ей социальный капитал.

***

Но все эти 2 дня Тэ И не находила себе места. Она не видела нигде Мартина Сью. Если фотографии и её сведения не врут, то такого человека было бы очень трудно не заметить. Странное дело, но из центра солнечного сплетения к желудку разливалась ноющая тревога со злостью наперевес. Её цель прибытия, настройку на которую она предвкушала большой работой с внутренним стержнем и ритмом спокойствия, попросту не была в её поле зрения. И это открыло канал параноидального беспокойства на предмет правильности её действий.

Прикидывая доступные методы выяснения обстоятельств, по иронии судьбы, Тэ И решила спросить про старосту или лучших учеников факультета у самого симпатичного ей из всей компании Дедушку Недруга. В ответе прозвучало искомое имя – но причина отсутствия за столом сейчас была неясно замята.

– ...гениальный Мартин! Он будет на занятиях, – сидящие рядом «альт-близнецы» почти хором подхватили совершенно бысстыдно идолопоклонческие настроения, всё так же никак не касаясь темы отсутствия кумира за общей трапезой. Или не божеское это дело?

Тэ И на мгновение потеряла лицо, обменяв её на маску гнева и отвращения. Она не выносила такой восторженной рекламы кого бы то ни было и в минимальных контекстах, но с таким открытым лизоблюдством, ещё и не в её пользу, она не сталкивалась. Видимо, перемена в её лице не осталась незамеченной, судя по единой на всех гавнюков ноте непонимания, отразившейся на их еще минуту назад иступленно сектантских лицах. Тэ И подумала, как жутко выглядит это восторженное единодушие.

Что ж, Мартин Сью в школе. А значит, всё идет по плану.

Глава 9. Внутри Мартина

Мартин лежал на кровати в своей комнате, которую ему выделили как старосте и лучшему ученику в этом году. А всё-таки любовь – главный инструмент власти.

Никакой пощады к себе – важный принцип, который он усвоил вместе со своим абсолютным превосходством перед всеми людьми. Но в моменты его приступов обнаруживалась загадочная даже для магической медицины особенность, на время которой он исчезал из мира, так как никто не должен был видеть его таким.

Или что это там было. Раз в несколько месяцев Мартина скручивала адская боль во всём теле, выносить которую слегка помогало общее болеутоляющее от недалёкой Врачихи. Конечно, Школа полна некомпетентных людей, которые видят мир не дальше своего носа, будучи болванами на службе страха за потерю места. Скучно. Перевелись волшебники.

Вот сейчас был такой приступ, которому помочь могло только отведённое время в пару дней. Мартин перевернулся на живот, в раздражении пытаясь найти комфортное положение, в котором ему чуть меньше хотелось сдохнуть. Великий Маг Прошлого, прекрати этот позор.

Некоторое время назад Мартин, как обычно, в одиночку начал изучать вопрос его загадочной болезни. Не ориентироваться же на банальных людей вокруг. Хотя они бывали

полезны – один из соратников [Тэ И знает его как Дедушку Недруга], как доверенное и не самое тупое лицо, помог с редкими книгами из своей семейной библиотеки.

Мартин поморщился – во время этих приступов боль была не только физическая: его уровень базовой агрессии и искрящейся ауры злости зашкаливал, сменяясь любой случайной эмоцией по выбору дальше. Сейчас это была тревожная смесь страха и стыда. В гневе очищаясь от этого месива, рыча, Мартин пульнул какое-то стихийное заклинание в барельеф стены с русалками. Стена посыпалась, и на него уже не смотрела бесстыдная девица в обнажении. Он потом прибе­рётся.

«Каждый раз, как первый», – с досадой Мартин думал, что только зарекается подготовиться к этому периоду заранее.

Да как можно.

В книгах соратника он вычитал чувствительную информацию – обилие неосвоенной силы у великих магов вытесняет обычные человеческие способы осязать мир, и оттого с разной периодичностью может выходить в форме подобных взрывов сродни шаманской болезни, только носящей регулярный характер.

Об этом мало свидетельств – историю пишут победители, поэтому все слабости великих склонны забываться или обозначаться «сильными» эпитетами. Но ходят легенды, и это в рамках серьёзной магической литературы, какой же позор, что сам Великий Маг Прошлого знаком с подобным не по-

наслышке.

Взрослые сильные волшебники лежат от слабости, точно как самки при течке. Уму непостижимо.

«Предательство человеческой природы обходится дорого», – об этом твердил Абрахам Рахман, автор книги, и в качестве лекарства предлагал единственное – изменение внутреннего соотношения магического и человеческого в самом волшебнике. Прими в себе слабость, будь с людьми и прочие сказки в духе безумца Мудреца Наставника. Почему все авторы такие идиоты? Да потому что они недостаточно сильны, чтобы принять факт отдельности от стада и стать во главу этого стада, которое умирает без хороших пастухов. Всё идёт от этих якобы вечных ценностей, которые по сути удобные формулы порабощения. А в Школе есть целый рассадник этого – свора факультета выскочек.

Видимо, вся эта скрытая злость за всё время выходила наружу прямо сейчас: его мысли были особенно нестабильны и злы.

Ведь выразить это открыто было никак не в его интересах. Ещё не время.

Так что вся эта боль, как понимал, видимо, только Мартин, стоила того, чтобы не быть этим стадом.

А пару дней он потерпит. Ждать – важнейшей навык победителя.

Глава 10. Извне Мартина

И всё-таки случаются эксцессы – Том на трудногибаемых ногах тащился в подземелье к своему любимому учителю за сильнейшим анальгетиком, который разрешено принимать только смертельно больным волшебникам под строжайшим контролем доз.

Официально, конечно же, это было нарушением всевозможных правил.

Но Мартин выжирал его пачками.

Профессор, мягкотелый и абсолютно влюбленный в ту версию Мартина, которую он позволял увидеть простофиле, однажды поинтересовался у своего лучшего ученика, почему тот пропускает занятия. И Мартин замогильно поведал ему о своей плате за гениальность.

Это стало их общей тайной, что заставляло профессора чувствовать себя в исключительной и трогательной связи с самым выдающимся волшебником столетия – и было оплатой его услуг.

С тех пор, когда Мартину было особенно невыносимо, он тайно спускался за пузырьками заветного зелья. Сегодня как назло все запасы были выпотрошены, и поэтому бледный Мартин с трудом полз за заветным пузырьком.

По-хорошему, от таких доз препарата Мартин уже давно должен был быть мёртв. Но Мартин всегда был другим: это

зелье на время умертвляло в нём то, что так отчаянно пыта-лось из него вырваться.

Так, после употребления боль частично притуплялась, и Мартин входил в подобие сна наяву: стены реальности становились обтекаемыми, словно двери из водопада в волшебных сказках, о которых давным-давно читали суровые воспитательницы в приюте, и всё становилось будто не всерьёз.

Главное – дойти. И никто не должен его видеть.

***

Тэ И стояла и слушала из уст Преподавателя, Который Случайно Помог ГлавГаду всё то, что итак знала о системе обучения Школы. И всё-таки слишком склизкие у него интонации и даже искренне доброжелательные улыбки. Интересно, может, добродетельная притягательность знакома правда не всем?

– ...дорогая, вам всё понятно?

Профессор слащаво улыбался, переспрашивая это уже раз пятый – видимо, статус девушки-иностранки прочно ассоциировался у него с непонятливостью.

– Профессор, я ценю вашу заботу и предварительно высокую оценку моей ценности, но я прошу не переводить её в денежный эквивалент.

Да – Тэ И отрастила дерзость и смелость выражать нетерпимость к неуместно мягким обращениям.

Профессор не успел донести своё смущённое согласие, как в дверях показался красный конверт с вызовом Профес-

сора в кабинет директора по «важнейшему вопросу будущего».

Нелепо извинившись, он оставил Тэ И одну в кабинете.

Несколько мгновений, длившихся вечность, Тэ И провела в задумчивом разглядывании засушенных лягушек в банках.

Пока не увидела... это.

С грохотом в дверях кабинета оказалось белое опухшее существо в мантии с темным галстуком.

«Гавнюк*», – подумала Тэ И.

Существо на миг замерло и прохрипело мелодичным низом:

– Профессор где?

«Мужчина...» – подумала Тэ И.

Выглядел он совершенно неважно, будто чем-то ужасно болел, судя по его тяжёлому дыханию и согнутости корпуса, и Тэ И из, казалось бы, такого далёкого гуманистического прошлого почти вышла на арену для оказания бескорыстной помощи.

Но следующие секунды прошли абсурдно молниеносно. На попытки помочь человек грубо, в меру сил, отталкивал Тэ И и неистово пытался прорваться к полкам Профессора, на что Тэ И, в ощущении себя на правах сильного, без какой-либо магии нелепо удерживала его за запястья.

Это было похоже на танец двух пьяных, абсолютно уверенных в том, что они находятся в Криминальном чтиво.

Только Тэ И была в полном адеквате, чего не скажешь об

этом несчастном. Что с ним было?

Повести ни к кому она его не могла – он бы не дошёл. Оставлять его нельзя, а палочку было достать не с руки, так как её собственные были заняты воздушным вальсированием.

Всё это становилось дико смешно, особенно внезапно за эти дни гнетущего молчащего ожидания – Тэ И искренне прыснула.

Этот жест в одно мгновение вывел её стихийного партнёра по танцу из каматоза – его глаза резко стали жёсткими, зрачки сузились, став похожими на змеиные.

Резким движением, в котором не было и следа былой потерянности, он выпрямился и направил на Тэ И свою палочку с криком, отдалённо напоминавшим одно из трёх запрещенных заклятий. С криком, которому не суждено было состояться.

По закону жанра, его вырвало.

Так её, Тэ И из будущего, пришедшую изучить и сокрушить опаснейшего тёмного мага современности, в обновлённой блевотиной мантии следующим мгновением и застал Профессор.

Именно так состоялась её первая встреча с ГлавГадом.

***

Сегодня всё было намного бодрее – в зеркале снова отражался обворожительный молодой человек с выточенными чертами лица, влекущей улыбкой, чёрными кудрями и прон-

зительным взглядом. Не считая мутных картин вчерашнего ада, всё снова было хорошо. На утро Мартин уже знал от Профессора, что какая-то дамочка из Другой Магической Школы видела его в самом слабом своём представлении. По-дробностей, к счастью для себя, он не помнил – только обрывочное присутствие кого-то третьего. Это было мерзко. Но обратимо – его всегда мог увидеть кто-то третий, и девица издалека была меньшим из зол. Он подумает об этом немного подробнее.

Мартин приводил себя и свои гуляющие трясинные чувства в порядок, а в большей степени просто любовался собой некоторое время. Он был по-настоящему хорош – он знал об этом. И что ещё важнее – очень рано научился этим пользоваться.

По наблюдениям Мартина Сью, ему принадлежал уникальный талант, который современность склонна недооценивать – ослепительность. Рецепт её достаточно прост, если силиться его описать, однако Мартин знал, что никому кроме него она не могла быть под силу.

Во-первых, нужно быть таким, каким хотят быть все люди. Красивым, умным, обладать безусловно выдающимся талантом и смелостью это признавать. Просто есть люди разных сортов, и притяжение к лучшему для людей так же естественно, как дыхание.

Во-вторых, при очевидности превосходства нужно порционно позволять окружающим греться в твоих лучах. Это

несложно – галантная улыбка для дам, восхищённый взгляд для преподавателей, искусно созданная иллюзия дружбы для мужчин. Всё очень просто. А с девчонкой всё же придется косметически повозиться – одна улыбка, пару классических реверансов, и он снова может быть уверен в сохранности «их маленькой тайны». Люди примитивны, живущие во имя возложения себя на мифический алтарь, и, как правило, имя ему – любовь.

От одного этого слова Мартин поморщился – он не любил упоминания нелепицы. И когда занятия по трансфигурации стихийно превращались в авторскую проповедь этого рыжего чудака, Мартин еле сдерживался от отвращения.

Люди примитивные, нелепые и, как правило, безвольные. Именно любовь делает их такими. Она антидот власти. Единицы способны по-настоящему быть, единицы обладают властным зарядом. Конечно, всё это любой студент даже близко не понял бы.

Людям нужен алтарь, достойный служения – такой, что создан самым достойным из всех.

И у Мартина этот алтарь был.

Но пока нужно сиять.

Глава 11. План (на) Мартина

Тэ И уже не была в тупике. Она успела пережить несколько стадий ощущения ситуации:

то, что современный автор назвал бы «кринжом»;

то, что все люди мира называют замешательством;

и то, что сама Тэ И считает высшей ценностью – возможностью.

Мартин Сю по-прежнему был уверен в своих «трех н»:

Неуязвимости,

Неотразимости,

Неизменности.

Поздним вечером в общей гостиной своего нового факультета Тэ И смотрела сквозь книгу про теорию магических явлений, вплетая свои мысли в текст. Обложка, конечно, была зашифрована под учебник превращений.

План Тэ И состоял в том, чтобы наблюдать, тестируя гипотезы. Идеальные лабораторные условия сложились перед ней сами.

Осталось не потерять лица в обстановке полной неизвестности, не пропуская сигналов ситуации.

Её ближайшей задачей было приблизиться к объекту на достаточное для производства выводов расстояние. Характер выводов определит, что такого заключено в сердцевине ядра Мартина Сю, чтобы именно он стал ГлавГадом в этой

ветке потенциалов реальности. А это знание проложит стратегический путь к действиям.

Увы, миссия Тэ И известна только ей самой, и потому никакого отряда спасения от нежелательных эффектов хроно-магии, в случае неожиданных выбросов пространства, ждать не придётся, да и заниматься миссией нужно через прямое включение в бытовую реальность настоящего времени.

Значит, нагрузка будет как всегда двойной, с той разницей, что она в 1943 на Факультете Гавнюков, и при стрессе подвешенного состояния в духе последних дней она и месяца не протянет: ей нужно сделать этот мир своим.

Ти Э было приятно, что уже начатая её стратегия морфизации и накопления новых компетенций логично продолжится во благо цели её пребывания здесь. Едва уловимое чувство гармонии озарило её сознание, и тут же сменилось восстановленным погружением в теории временных рядов магической вероятности.

Ветхая книга гласила, что для поиска ядра любой силы необходима контролируемая стихийность – на развороте представления этого принципа была изображена руна Лагуз, как символ адаптивного потока, и Феху, обозначавшая огненный импульс.

Преломление прочитанного в реальность в эту секунду давалось неважно – глаза слипались, и мозг упорно звал в сон.

Ладно – она уже разбирается. Наблюдать и смотреть на корень действия до его видимости – так поняла главу Тэ И.

***

Мартин Сью сидел в общей гостиной накануне первого дня учёбы, штудирруя летом прочитанный учебник по снадобьям. Он часто использовал книги как прикрытия, если не хотел общения в гостиной. К тотальному одиночеству своей комнаты он так и не успел привыкнуть – приют оставил неприятный психический след.

План Мартина состоял в том, чтобы начать вывод предвзвешенно тщательно завербованной свиты на тропу безоговорочного служения высшей цели изменения магических реалий допустимого.

Мартин знал, как было правильно, и с правильной поддержкой смог бы заслуженно это показать и предоставить.

Его личный миф наследника Основателя Факультета Гавнюков играл на руку. Ведь без мифов нет магии, и среди нужных ему консервативных социальных групп – поддержки вдвойне. Маги аристократы склоняли перед ним головы в признании превосходства – да, так мог только Мартин. Цена этого была высока, но и он был не просто статистом.

Дело в том, что для феноменального мальчика из приюта, в котором от бегающих по полу крыс его защищали только змеи, сила стала осознанной жизненной необходимостью. Сила – это расширенное существование. Например, это была физическая сила, когда его единственного плюшевого мед-

ведя отнял большой Боб с жутким смехом и тяжёлыми руками. Мартин плакал в грязном углу, будучи слабым, осознавая жуткую справедливость этого случая. Все было неизбежно, и значит – заслужено.

Но у силы много лиц – через три дня Боб упал в глубокую яму и сломал позвоночник: он испугался «ниоткуда взявшегося» клубка змей.

С тех пор Мартин не любил плюшевые игрушки, но стал доверять змеям и силе, которая расшатывала границы привычного мира. Сила его порядка в мире называлась Тёмной магией.

Сила всегда была опасна, и эта опасность должна быть в руках одного ведающих. Сила нужна, чтобы предопределённой судьбы щуплого мальчика, у которого всегда отнимают игрушку, не было. Конечно, современный магический мир совсем беззубый – магия скована навязанными приличиями и иллюзорной добротой мира, ценностью того, что есть кем-то написанные законы жизни и смерти, а изменение этих границ вовлечения полагается тёмным искусством.

Что ж, он станет ГлавГадом – богом мифа новых правил допустимого в мире.

Для этого он должен стать ещё более безоговорочным – доминирующим, тотальным, каким и был. Остаётся придумать новое имя перед окончательным сбрасыванием кожи. Важный год...

А, еще нужно в ускоренном темпе обезвредить нового иг-

рока на социальной доске – как там её, из Другой Магической Школы?

***

Они не знали, как сходятся линии времени, и к чему это приводит, и что ещё важнее – что приводит именно к ним.

Но два метеорита уже летели друг к другу навстречу.

Глава 12. Перемещение Мартина

Мартин исподлобья смотрел на своих однокурсников поверх книги. Они беззаботно переговаривались между собой, с такой присущей обыкновенным подросткам неаккуратностью. Темные шутники о чём-то жарко спорили и уже шли к Аристократке за третьим мнением. Та утрированно высоко запрокидывала голову при смехе весь вечер, оголяя белую шею, чем очень заводила Здоровяка, который сидел напротив. Идиллия для последнего, но Мартин-то видел, как она неумолимо не спускала с него, Мартина, томных глаз.

«Этот маскарад в мою честь. Неудивительно.» – он ухмыльнулся сам себе.

Все остальные в школьной гостиной были дублями примерно таким же картинам поведения. В каждом уголке была своя Аристократка, свои клоуны и толпа неразличимой массовки. Не было только своего Мартина. И Мартину совершенно не было жалко, что он не может быть таким, как они: он видел, что они никогда не узнают изнутри того, что по праву существования знает только он.

И никогда не смогут так же.

Но всё же в выходную неделю в факультетской гостиной было место для неожиданности.

Незнакомая темноволосая макушка, закрывавшая собой стол – так плотно одинокая фигура прильнула к учебникам.

Волосы периодически спадали со спины на страницы крупными завитками, создавая иллюзию причудливого узора, и незнакомец спешно закидывал их на спину до следующего их акта своенравия.

Мартин отметил, что его волосы были почти такими же тёмными, как и его собственные.

Ухмыляясь странному внутреннему замечанию, Мартин направился к незнакомцу. Вероятно, это младшекурсник, и публичное проявление внимания к его академическим успехам закрепит статус доброжелательного и абсолютно гениального Мартина.

***

Каким нужно было быть идиотом.

Мартин невинно обратился к незнакомому Мистеру с одного из младших курсов, который оказался несговорчивой и прямой, как палка Мисс из Другой Магической Школы. Не соотнесённые ранее два плюс два с нелепым половым неузнаванием, да ещё и с учётом внезапно открывшейся другой истории их первого пересечения, были похожи на второсортную рубрику «Анекдоты» из Газеты. А Мартин никогда не был смешным.

– Виделись уже – хотя я бы не сказала, что с вами.

Её удивительно грубый голос звучал насмешливо. Какой ужас, все иностранные женщины такие?

Пока Мартин стремительно собирал гнев и неожиданное замешательство в концентрат уместной социальной маски,

странная девушка продолжила:

– Я хотела сказать, что выглядели вы совершенно неузнаваемо, и потому, даже не беря в расчёт просьбу Профессора о конфиденциальности, сама я бы ни за что не поверила в то, что в пару дней назад передо мной был сам могущественный староста.

Уму непостижимо. Какая-то лютая примесь спохватившегося такта и совершенного издевательства. Она говорит, что могущественный староста не мог быть в таком состоянии. Но это был он, значит, она отказывает ему в могуществе. Как прикажете это понимать?!

У Мартина в центре груди сбивчиво поднялась волна незнакомого. Социальные ситуации казались ему абсолютно контролируемой категорией, но тогда, когда все её компоненты были как на ладони. А это что?

– Не волнуйтесь, Мистер Сью, я не выдам ваш секрет.

Еще и улыбается как ни в чём не бывало. Одолжение ему делает. Ну это уже слишком.

Мартин усилием воли и мышечной памяти активировал свой режим безупречности. Про себя он называл его «лже-поддавки».

Чтобы завоевать у человека абсолютную веру в тебя, чтобы он был в твоей власти через инструмент восторга, нужно создать иллюзию абсолютно общей линии понимания. На этой линии понимания жертва «засыпает».

Фоново через эту линию понимания и выраженный вос-

торг проницательности жертвы стоит транслировать информацию о степени своего величия: жертва будет охотно и радостно узнавать, какого необыкновенного человека она смогла понять или поддержать, ведь в обозначенном контексте это явно возвышает статус самой жертвы.

Главное – не переборщить. Сообщать информацию через фильтры сложности, которые уже как бы поняты и знакомы для жертвы. Шаблон «плата за гениальность».

Это выделяет сочувствие, а также формирует лирический образ, как в дурацких любовных романах. Женщины на это особенно падки.

И, конечно же, всё это работает при исключительной притягательности мага, которую на время действия стоит направлять вниманием только на жертву.

У Мартина это получалось как бы само собой – он питался смущённым воздухом жертв, прячущих глаза от неспособности совладать с уровнем притяжения к нему. Да, власть рождалась всегда в таких промежутках. Одно из главных лакомств и настоящих средств определить силу мага.

Аристократка однажды совершенно позорно стонала в коридоре подземелий от фантастической близости его губ к её, когда он держал её запрокинутую голову за подбородок, не спеша проводя ногтем по её красивой белой шее. А казалось бы – приличная девушка, самая неприступная красавица факкультета.

Она извивалась, высовывая язык и явно желая его слюны

под аккомпанемент собственного визгливого поскуливания. Считай, роспись в принадлежности.

Она тогда так и не получила его поцелуя – осталась восторженная там, в вывернутом течкой сознании. И смотрите, как она до сих пор интенсивно желает его сейчас.

Да – секс был интересен властью, но обычно марать себя Мартин не сильно хотел. Плотные прикосновения в аспекте властных полномочий очень сильно переоценены. Много они требуют... внимания. А возбуждала Мартина именно власть.

Бедная иностранка – не знает, что фактически неизбежно уже умоляет его касаться её во всех местах. И он делает это как бы неохотно, невзначай бросая, для чего из реальных дел миссии она была бы полезна. И она, как согласная на всё собачка, вылизывает его ботинки в знак преданности и бежит шпионить за своими дружками из Другой Магической Школы для важных ему, Мартину, сведений... Короче, он ей не позавидует.

Мартин садится на диван слева от девушки, «случайно» вплотную касаясь бёдрами. Первый сигнал успешного плана – знакомая эмоция удивления на лице. Ну конечно, женщины везде женщины, даже если выглядят как непонятно кто.

Мартин тянется рукой к книге на столе, трогая обложку. Это нужно, чтобы создать опосредованное касание, подсознательно закрепляющее жест его физической близости. Отлично... И главное – таинственный взгляд на неё со всем фо-

кусом внимания с неизбежной искрой телесной близости.

Теперь можно говорить.

– Вы удивительно проникательны. Признаюсь, я поражен и бесконечно благодарен вашему великодушию.

Теперь важное: переход к части саморекламы и усиления темы их особенной интимности, якобы сложившейся в тот вечер.

– Понимаете, мой недуг при уровне моего статуса мог бы стать дурным поводом нанесения вреда моей репутации. Малое количество из знакомых мне людей обладают достаточным интеллектом и благородством, чтобы суметь это понять и сохранить по причине великой глубины. Потому, если честно, я практически благодарен судьбе за видимость этого ужасающего положения дел именно вами.

Ха, готово! Остаётся наблюдать за неизбежным.

***

С минуту удивления иностранка (с безупречным произношением) тяжело смотрела на него и молчала. Будто... критически оценивая? Она отвела взгляд и почему-то знакомо прыснула, покачивая головой чему-то. Да что смешного было?

Она резко повернулась корпусом к Мартину, чего не ожидал уже он, но виду не подал:

– Как говорил мой дед, если ты бухаешь виски, не стоит мять словесно сиськи.

Она издевалась и явно не видела ничего значимого в сцене

пару дней назад. Какое наглое обесценивание!

Продолжила она уже мрачнее, однако с неуместным придыханием, постепенно продвигаясь к лицу Сью, что заставило его постепенно отползать в сторону.

– Не парься – ситуация не стоит конструкторов твоего барского внимания. Хотя мне очень, очень приятно...

Она резко вернулась на место.

– ...но личную дистанцию недопустимо нарушать подобным образом для тех мест, где училась я. Впредь прошу этого не делать. А пока до встречи на занятиях.

Как ни в чём не бывало, нахалка одним махом собрала учебники и бодро направилась к выходу. Походка у неё была медвежей – она по-боксёрски раскачивалась, а широкие плечи были видны даже за мантией, сродни его собственным.

Внешне Мартин остался сидеть в общей гостиной вместе со всеми.

А внутренне Мартина люто переместили.

Глава 13. Ломка

Мартин шёл в аудиторию на первое занятие в году.

Никакой интриги – Мартин был в дикой злости. Ведь никто не смел с ним так разговаривать, и такое невнятное поведение ломало его систему ожиданий, а также план естественного воздействия. Это было стыдно – почему его чары так бездарно прошли сквозь, ни разу не задев? Помимо злости это было недоумение, которое по неясной для него причине закручивало кульбит скомканного эмоционального отклика, который не делал с ним ничего хорошего.

Ещё и при всех – благо, мало кто реально слышал их разговор, но внимание их соприсутствие уже привлекло. При сторонней трактовке вся эта сцена была унижением навязчивого внимания Мартина – а Мартин слишком хорошо знал цену одному негативному контуру восприятия для социума, чтобы это игнорировать.

Социум – вирусологическое образование. И твоё место в нём определяется сетью фоновой поддержки способа описываться другими. Если кому-то недалёкому придёт в голову обратить внимание на это слишком пристально, то вся многогодовая подготовка уйдет в никуда – да, вот так просто.

Что ж, стоит успокоиться. Возможно, другой культурный код повлиял на её тормознутую грубость. Чёрт, неужели для простого моментного обезвреживания стоит уделять столько

внимания какому-то чудищу?

Справедливости ради, Мартина никогда не привлекали люди по-настоящему. Он видел то, что всегда сообщалось их красотой. Например, послание «я могу тебя защитить или убить» Здоровяка, «со мной ты забудешь обо всём» соратника. Мужчины в целом красивее женщин – в них больше чистых форм.

Женская красота другая – она про то, что ты можешь у неё забрать. Как витрина. Когда он смотрит на лица, сообщающие внутреннее согласие на слабость, он не может видеть в этом что-то по-настоящему важное.

Другое дело эта чудачка – её лицо не сообщало ничего подобного, да и вообще оно не изображало ничего контактного. Или сообщало всё, да так, что транслятор социальных сообщений трещал и трескался из-за перегруза. Чудовище – не иначе.

Он мельком повернул голову, и внезапно для себя увидел героиню своих мыслей – сердце забилося чаще. От неожиданности. Кстати, то, что он тратит свои мысли на что-то кроме Реального Дела Миссии, ему уже не нравилось.

Однако чудачку он не увидел – это было зеркало в коридоре.

Мартин выругался, отмахиваясь от мысли об очевидном – чудачка была неожиданно красивым мужчиной, будучи женщиной. Мартин заключил, что это неправильное положение дел в мире, и потому отныне она для него Чудовище.

Он наконец дошёл до аудитории. На входе он увидел знакомый затылок. Девушка шла одна и Мартина за спиной не видела. Смех – он услышал тот же смех, что вчера, его расширенную версию. Может она ненормальная просто?

План обезвреживания и вербовки, а значит неизбежного очарования, невыполненным пунктом всё ещё висел над его головой, нарастив осложнения. Ладно, некритично: надо попробовать вчерашний заход, но через прямую демонстрацию превосходства. Где-где, а в магии уж точно ему равных никогда не было и не будет. Пусть узнает своё место. А дальше всё вернется на круги своя. Конечно, теперь обозначить расстановку сил стоит без ложной скромности – и для этого не стоит жалеть ресурсов.

***

Её социальная популярность росла по незримым факультетским законам – внешнее внимание окружающих приносили ей молчаливость и предположительный статус: всё, что могло на это указывать.

На пути в аудиторию к Тэ И уже подбегала стайка слизеринков, желая по-девичьи расспросить «про них с Мартином». Их восторженные голоса и говорливые рты поведали немало о недоступности и невероятной мужественности объекта их вопрошаний. Интересно.

Видимо, она переборщила вчера. Но вчера произошло не только это.

До того, как она в каком-то очень Друг-1-овском азарте

ушла из гостиной, Тэ И стихийно обнаружила искомую ей форму силы ГлавГада. Да – она правда поняла формулу книги. И кто бы мог подумать, что она увидит Мартина Сью в таком спектре столь быстро. Возможно, дело было в хроно-магии и его де-реализующем воздействии, но Тэ И на удивление легко осязала игровой формат всего контекста, где она находилась.

Это было очень ей на руку – так она не увязнет в страхе в силу всей несдвигаемой глыбы серьёзности, которая на деле ни на секунду не смещалась с её плеч. Короче, ей удивительно не было стыдно за тот искромётный экспромт, что из неё выходил. За выдуманного деда и фразу про виски.

Потому что она увидела желания Сью – его поведение было соткано так, чтобы привести собеседника в определённую точку. Каждый жест был намеренным, а это значит, всему сказанному нельзя было доверять до обилия фильтров «почему». Как она быстро рассудила, нарушение шаблона действия способно в разрезе показать корень. И она не ошиблась.

Видимо, объект – нарцисс. Об этом можно сказать по его окружению – тому флёру, что ему важен, а также увиденной стратегии завлечения в свои сети. Причём инструментом видит собственное сияние – сексуально заряженное сияние, а то к чему был этот откровенный фейерверк искр в тонально очевидном призыве раздвинуть ноги.

А, ещё он сексист со всеми вытекающими – это уже лично

непростительно.

Да, в нормальной жизни она задохнулась бы от самообращённого стыда. Но она не жила нормальную жизнь, а это означало несколько вещей.

В первую очередь, она может творить, что хочет.

А во вторую – она разгадала ядро самого Мартина Сью!

Нарциссизм. Это власть – стремление быть для людей в строго определённом статусе. Инструментом выразительности была собственная персона. Да, это сходилось с тем, что она давным-давно знала про главного врага человечества.

А все идеи лучшего будущего – так, прикрытие, растущее из того или иного чувственного заряда. Вообще-то даже на его фото в том самом альбоме всё кричало об этом. Даже завидно немного...

Но это всё было более-менее понятно. Шокировало Тэ И совершенно другое – то, что возникло в исключительно глупом режиме несоответствия скрипту социального движения между ними, что было сделано ей как случайность.

Имя этому – стихийное превосходство в несомненно самой важной для Сью категории символического места в связи. Её поведение, само выбранное место сверху, за пару минут раскрыло типаж объекта, и сломало его линию несения себя. Тэ И полагала логичным предположить, что экстраполяция этого принципа изменения микро-веток ситуаций ровно соответствует цели её курорта здесь.

Продвигаясь в рассуждениях, Тэ И прямо перед самым

входом в аудиторию громко рассмеялась – какое-то интуитивное адаптирование под психопатическое поведение. Ведь всё гениальное вновь оказалось простым, как старые сказки – любой потенциал имеет два направления.

Чтобы не допустить апофеоз доминантности Мартина Сью, в котором так комфортно чувствует себя вирус мирового зла будущего, ей нужно изменить его вектор. Если Мартин Сью – доминант, которому поклоняются, надо перевернуть это в обратную сторону.

Задоминировать Мартина Сью ей надо.

Да – похождения космической проститутки уже не кажутся какой-то шуткой.

Подавить волю Сью, альтернативно направить его самую суть.

Это будет весёлое время...

В аудиторию вошел профессор Милстроу – занятие по боевой магии началось.

***

Мартин закатывал глаза. Медлительный Милстроу густо и вкрадчиво объяснял очевидное по теме магических щитов и атак с ним. Все в аудитории будто бы воспринимали темп событий как само собой разумеющееся. Боже, зачем тратить время на пустое заполнение голов какой-то шелухой в сказочной форме. И кто его поставил во главу такого важного предмета, как теории и практики магии? Мартин поглядывал на часы, ожидая долгожданного момента практики.

Момент настал. Ну всё, думал Мартин, я как обычно великолепно проявлю себя в турах сражений и, конечно же, сделаю и Чудовище.

Но цыганские фокусы непредсказуемы – Мартин наблюдал, как Чудовище ловко разделяется с очередным магом с нездоровым блеском в глазах. Милстроу рукоплещет новенькой, а студенты сгущаются тучами почтительного внимания.

Новенькая... Чудовище улыбается в ответ, при этом совершенно естественно не обращая на него, старосту, внимания. Вероятно, в этой её школе только грубым месивом и занимались, потому она так блистает. Может без этого вовсе никак и женщинам – от медведей обороняться, или кто там живёт в её глуши. Пора сбить с Чудовища спесь.

На импровизированной арене дуэли мысленно Мартин уже заносил палочку в знак будущего успеха.

...а по правде жизни был откинут ответно сильным заклятием, аналогично боевой стратегии Мартина, перенимавшим энергию его щита.

Чудовище грациозно двигалось почти без усилий, тогда как гнев Мартина уже начинал мешать его концентрации.

Его надвигавшееся поражение прервал восторженный сигнал дряхлого Милстроу:

– Стоп! Молодые люди, это было великолепно! Мистер Сью, Ми...

–...сс Тэ И, сэр.

– Даже так... Мисс Тэ И и Мистер Сью, вы подарили нам незабываемое зрелище. Ничья, и наше коллективное восхищение мастерством!

Милстроу жестом призвал класс к аплодисментам, будто все отмечали огромное радостное событие.

А Мартин пытался не потерять лицо и не уничтожить Тэ И убивающим заклятием прямо сейчас.

Глава 14. Никто

– ...Вы не очень-то боитесь.

– Вы не очень-то пугаете.

Мартин не мог остановиться. Днём это было ещё терпимо, но в ночи становилось невыносимо. Что-то новое из забытой части совершенно примитивного опыта человеческой импульсивности беспокоило его, но он не мог сопротивляться этому слишком долго. В течение дня он пересекался с ней всего лишь взглядами, и её свинцового взгляда было достаточно, чтобы его тело унижительно отзывалось самым примитивным образом. Когда они случайно касались рукавами мантий в классе, заряд проклятия прожигал его, и он чаще отдёргивал руку – и не всегда получалось это сделать совершенно незаметно, судя по её пронзительному выражению лица и волне дополнительного внимания со стороны зевак однокурсников.

Физические импульсы были прямой дорогой в простые способы быть подвластным иному, но даже с этим в варианте властной мужской доминантности он готов был смириться.

Освоение территории сексуального направления своих властных импульсов подтверждало бы его истинную природу, которая просто требовала новой площади.

Но то, что испытывал он, совершенно не было на это по-

хоже. Он слышал её интонации, наблюдал движение её шеи и рельефных плеч, которые виднелись под мантией, и ощущал что-то совсем чужеродное и глубоко тянувшееся по всему его существу, что он не мог опознать. Будто это была змея, которая так долго спала, что теперь поднимала голову, обжигая вены, по которым ползла. И в этом он не узнавал себя.

В течение дня в голове мерцали картинки её взгляда, поворота головы, злости на её лице, улыбки. Она излучала особую ауру.

Днём он тщательно на относительноном расстоянии коллекционировал её в своей памяти, испытывая жгучую ярость. По ночам он регулярно трогал обнажённый член, вымещая свой гнев от этих картинок и её самодовольства в такой форме сублимации, чтобы не убить человека посреди учебного года, как объяснял он себе сам.

Катастрофа началась тогда, когда он периодически стал пропадать во время уроков за дробочкой в школьном туалете, чтобы как-то унять напряжение, когда оно достигало особенно невыносимо.

По началу это были картинки его наблюдений и воспоминаний о ней, собранных в течение дня. Они и всегда были направлены только на него, и это сродни заклинанию увеличивало член в размерах.

Постепенно они превращались в более страшные картины того, как она стоит на нём и делает то, что создает мотивацию научиться магии скрытия мыслей.

Ей не приходится угрожать ему палочкой – она констатирует. Лениво, самодовольно указывает – и это и есть приказ.

В этих фантазиях она держала Мартина у своих ног и погружала свой палец в его рот, постепенно ускоряясь.

– Смотри на меня, – снисходительно, с полной уверенностью, что он сам не захочет уйти. Что он сам этого хочет: чувствовать холод мрамора в школьном туалете и слышать своё разъедающее, унижительное поскуливание от окатывающей с головой и сносящей привычный подконтрольный мир волны позора, прямо как у Паркинсон тогда.

И Тэ И его за это презирает.

Под её холодным взглядом и безумством серьёзности всего желание становится неумолимым, безудержным. Настолько, что огромная магическая сила Мартина целиком вымещала себя в темп быстрого движения руки с резкими выдохами, в тотальной отдаче всей своей досадной ярости.

В пиковых точках Мартин слышал её слова, когда она ухмылялась и говорила, что он всего лишь обиженный сиротка, не стоящий ничего за пределами своих фантазий о себе. Тогда в ходе перепалки внешне Мартин сдержался, но подсаженная болезнь её слов нашла корень, через который разрывала плоть.

И он интенсивно кончал, содрогаясь в кабинке, злясь и чувствуя глубокое отвращение к самому себе.

Он, великий ГлавГад, хотел Тэ И. Причём хотел её власти. Так же сильно, как когда-то хотел убивать.

***

– Признайся: ты пытаешься казаться тем, кем не являешься

Её редкие едкие фразы были бы нейтральны, не будь Мартин – Мартином.

Но это резало то, чего давно в нём, казалось бы, не было. Мартин не сомкнул глаз в эту ночь. Сегодня был новый эпизод.

Впервые за долгое время он чувствовал себя полным дерьмом от того, как близко приблизился к себе. И обеспечила это именно она.

Она окунала его в его же части, которые он давно отринул и предпочёл бы забыть или всегда в исключительно выбранном им качестве помнить.

Месть, злость – это было лучшее топливо его движения до сих пор. Но она, девушка с саркастичной улыбкой, будто не боялась дотронуться со всем жаром жизни до того, что он годами ограждал стеной и умнейшими стратегиями обхождения, что было предметом его гордости и основой того знания, что несло его вперёд.

В начале жизни он поплатился в ход будущего великолепия – и его полностью устраивала эта мёртвая зона в точке начала. А этот человек трогал его так просто и ярко за те места внутри, что давно стали неодошевлёнными, и этими прикосновениями из них вырывались языки неведомых взрывов, отблески, которые он всегда презирал в своих сверстни-

ках.

Его недвижимые эмоции и давние зарытые вглубь переживания, которые занимали стабильные места и роли, вновь задвигались, присвоились, и поменяли своё направление. Из них не складывалась такая плотная картинка знания себя и будущего, какой он так гордился все это время ранее. Основы в нём меняли вектора, больно сталкиваясь лбами, и наслаждение, которое искрой высекалось на периферии этой боли, унижало его.

Он вынужденно варился сам с собой через её легкое наставничество.

И это ужасало.

***

Она была в чёртовой эйфории. Очередной день успешной игры в босса на мгновение заставил её поверить, что всё это было правдой.

Давайте начистоту – Тэ И девственница. Тем более в сфере даже дилетантской любовной (как сказал Горячий Парень, корневой) магии. На её стороне всегда только книги и собственная оголтелость.

Крайне смешно, что именно она взялась за миссию по спасению мира через перенаправленное переприсвоение властных сил будущего ГлавГада. И это усугубляется точностью её расчётов: в стратегии ёмкого увиливания.

Люди, подобные Сюю, не доверяют другим, на что у них определённно есть бесспорные основания. Их базовая на-

стройка – гипернаправленность на предмет, гарантирующая успех почти в любом выбранном деле, потому как это – побег. И у Мартина Сью причин бежать из себя было больше любого студента Школы.

Тэ И рассудила, что для слома исторически разрушительного способа Мартина Сью «бежать из себя» нужно немного – не мешать.

Разум Сью достроит картинку по основным параметрам первичной замеченности, а дальше стоит слегка подливать масло в огонь. Фактурные точечные, накалённые пересечения с пронзительными фразами в нужную ей сторону.

Дело в том, что при недостаточности прямых воздействий от Тэ И к Сью, у последнего сформируется рефлекторное срастание себя и фигуры Тэ И, ввиду не-объектного типа поведения: это критерии слома шаблонов, заявляемое превосходство в зоне ценности объекта и, конечно, не-активный контакт по направлению к нему (чем грешат все остальные).

А Сью был хорош, что греха таить – Тэ И в течение всей своей незаметной миссии стратегического молчания не могла понять, куда всё идёт? И идёт ли куда-то.

Работает ли план так, как она увидела?

Хорошо, что бонусами случайно заработанного статуса на акультете Гавнюков было монетизированное алкоголем уважение.

Так можно почти забыть, что она по сути грамотно спланированное, закрытое пародийными манерами выученной

силы никто.

После очередного глотка огневиски она всё про себя знала.

Слова путались, логические картины осознания будущего шлейфа последствий алкоголя в хроно-периоде были просто кирпичиками собственного превосходства.

Тэ И была на вершине мира, и отсюда могла делать с кем и чем ей хотелось всё, что она хотела. Чистый нектар кайфа.

Гостиная и новая свита остались в прошлом – она шла по тусклому коридору. Вроде тусклому, а коридор-то был весёлым центром мира, стены отлетали от неё, и её право на внимание было абсолютным.

Неужели так себя базово ощущает любой слизеринец? Огневиски пока не осязался как что-то лишнее, скорее был помощником раскрытия того напряжённого собирания себя как законного предмета личной гордости. Будто появился внешний повод раскрыть в себе то, что билось об остатки границ.

А нахуя? Она могла сделать себя, кем хотела – женщиной, мужчиной, богом, чёртом. И никто её никогда не мог остановить. Она всем этим была – не уверена, в разные ли времена. Она просто голое величие, и позволяет себе всё, что величие требует вместить. На её лице была ухмылка, шаг был драматично маскулинным – каково парням видеть, что она больше мужчина, чем они все, не будучи мужчиной.

По мановению внутреннего напряжения, в странной ин-

триге она шла к стихийно возникшей в её воображении цели – ванне старост. Если не ошибалась интуиция и откуда-то всплывшее знание, Мартин был сейчас там.

Глава 15. Шаг

Тэ И была в мраморной комнате забвения – фонтаны плотными потоками воды вздымались к небесам, обрушиваясь в бассейн цветами факультетов. Спасибо болтливой натуре Аристократки за пароль от легендарной вотчины старост.

Холодный пол, шум воды и незнакомого состояния борьбы. Но боролась не Тэ И – боролось что-то, что не хотело быть ей.

И это что-то намерено уронило бутылку виски и сделало шаг.

Белая сильная спина в поле зрения Тэ И сменилась торсом.

Шаг – глаза Тэ И встретились с чужими, зелёными. Длинные мокрые ресницы по идее должны защищать органы зрения, но сейчас они предательски для их владельца показывали чёткое опознавание будущего в паре секунд от них. Показывали, насколько досконально знают путь той нити, что невидимыми усиленными процессами была натянута между Мартином и Тэ И и превратилась в грязный жёсткий канат, подобно тем, на которых заставляют взбираться немагических детей в школах.

Да – он это чувствует.

Это значит, Тэ И должна сделать ещё шаг.

Если честно, Тэ И совсем не знала, как нужно себя вести.

Она не была с мужчиной, тем более в той экстравагантной роли, что была её сверхзадачей во имя спасения человечества. Ради этого ли?

Всё время здесь, на островке этой другой жизни, она неслась в непредсказуемом направлении в салоне скоростного авто, и уже не была уверена, кто был за рулём.

В этой комнате жалобный писк её самой издавал последние потуги достучаться до мозгового центра и сообщить что-то важное.

Внутри неё давно кричала она сама, но язык, на котором это «я» вопило, становился всё непонятнее. Но слышать крики под водой – плохой знак. И она сделала шаг.

Она будто уже была здесь, в этой петле неясного источника чувств и ситуации, и чужой, слишком жёсткий голос сказал её губами:

– На колени.

Беззлобно. С леденящим знанием неизбежности.

Мгновение – и чужие зелёные глаза смотрели на неё снизу.

***

Мартин так устал. Он слишком много был в постоянной стойке, на постоянной основе работающий перед невидимой толпой зрителей, для которой он был безупречным, строгим и властным.

Не считая секунд восстановительной слабости его болезни, которые полностью брали своё в навсегда потерянном им

балансе.

Либо ты настоящий и убогий, либо в вечной игре и стойке.

Он давно выбрал второе. Первое удел слабаков. Кто вообще создал культ настоящего? Кто-то умный для контроля. Такой, кто не побоялся требовать и нападать первым. И он не боится. Хорошо, что остальные достаточно связаны социальными узами, чтобы добровольно это пропускать.

Он давно не задавался вопросом, от чего он бежит и насколько ему тяжело. Иначе попросту остановишься.

Но сейчас невидимая нить тянула его в другую сторону.

И выход в свои стремления был совсем не там.

Как только стекло разбилось за его спиной, он узнал призыв неизбежного.

***

В другой жизни она бы его пожалела – увидела в этих глазах страх и память насилия, и даже если позволила себе ошибку заиграться, она бы моментально отступила от того, кто испытывал бы ступор от потери и препятствия своей воле. Но сейчас она была абсолютно наверху, держа во власти все основания Мартина Сью, будущего ГлавГада, ломала его собственными же силами, позоря и сексуально истязая, и это не имело никакого отношения к её миссии – и её это не волновало.

Глава 16. Лицо

– Ты долго ждал.

Она утверждала, упиваясь его исступлением, вгрызаясь в его глубинное сердце, которое он прятал как израненного ребёнка внутри. Пол был холодный, мраморный – её руки небрежно трогали мужское лицо, как что-то неодушевлённое на предмет качества.

Мартин Сю, великий и ужасный, голый и мокрый стоял на коленях в ожидании. Ожидании чего? Смутно он представлял, но знать больше не было его необходимостью.

Она придвинулась вплотную, поднимая его подбородок. Его сильное белое тело содрогнулось и против воли всё в нём потянулось вверх за ней. Мартин знал, что пожалеет о происходящем – а он умён, и потому жалел уже сейчас. Но сопротивление не хотело оказывать то, что он в себе не контролировал.

Прямо в эту секунду он попытался прервать своё потопление робкой попыткой прикоснуться к ней – она жёстко ударила по руке. Её взгляд скользнул в самый низ – бровь насмешливо поднялась:

– Какого́ тебе – с водой стекает и твоя гордость...

Дышать становилось всё труднее. Её нога прижалась плотнее.

Стон вырвался сам.

Его глаза закрылись – лицо ощутило смачную пощёчину:
– Смотри.

И он смотрел, как остатки выдуманного им мира накалялись, затягивая разум плотным облаком. Почему-то он знал, что течение жизни устроено правильно сейчас, пусть он и ненавидел правила.

***

В течение многих дней жизни Мартин знал всё – это выделяло его из других. Любое действие играло только на его стороне сквозной мотивации – всё было ружьём Чехова, обязательно выстреливавшим в нужный момент.

Но в ванной старост он не знал, что это было, и главное – зачем.

Он слабо помнил, как всё закончилось и почему он сейчас сидел на кровати, поджав под себя ноги. В груди заболело давно забытым отвращением, которое некоторое время назад ушло в глубокую спячку.

Все действия в ванной по-настоящему принадлежали ему, и именно это его сейчас так расстраивало и обжигало. Лучше было не вспоминать – концепция неуправляемого «я» всегда претила его целям и принципам.

Двойственность махровым цветком жгла изнутри – неприятное удовольствие от неизбежности, которой он с таким постыдным рвением отдался, было под колоссальным давлением плиты последствий. А именно – кто он после этого? Униженная сука, так как это в его базовой природе, ко-

торая взяла вверх, как бы он ни старался всю жизнь ранее?

Мартин схватился за голову. Он чувствовал себя грязным, хотелось отмыться, но это было уже невозможно. Потому что ему это нравилось.

Он искренне смотрел, как эта проклятая ведьма трахает его рот своим пальцем, доводя Тома до тошноты, и в моменты краткой передышки он умоляет ещё.

Наверное, его член никогда так не горел от разрядов магии. Всё, что он испытывал от власти над Аристократкой и подобными, было жалким оттиском – смутной формой утверждённого комфорта удовольствия от себя, за которое он неосознанно боролся во всех формах.

А здесь он был... он впервые не был. Возможно ли такое?

И что в этой девчонке заставляет его быть таким ничтожным? Таким... обычным.

Мартин не знал ответа, и сил на его поиск не было. Но силы не было и на борьбу.

Со слезами и ненавистью, лежа на животе, он приподнял таз и продолжил позорную неизбежность возбужденного тела и уязвлённого достоинства. Пожалуй, этот побег при воспоминании о сделанном – единственный способ ненадолго провалиться в мир, где он не видит катастрофы случившегося.

Да – всё уже случилось навсегда.

И поэтому он обязан понять, как эта девчонка сотворила с ним такое.

Потому что Мартин Сью никогда не проигрывает: даже

если сейчас содрогается от мысли о её поганом рте, произносящем ненавистное.

Он восстановит необходимое место единственного верного баланса её подчинённого положения. Просто надо быть немного хитрее.

Глава 17. Попробовать

Она устало закрыла глаза, будто хотела этим закрыть себе доступ к собственным мыслям. Но она упорно видела, что в этом мире и другом времени она сама была своей тёмной версией, с тёмной версией Друга 1 рядом. Интересно, было ли отсутствие Друга 2 решающим фактором?

В выходной она могла себе позволить не выходить из комнаты и смотреть только в темноту своих мыслей.

Всё, что произошло прошлой ночью, подействовало на неё странно.

Ей было невероятно хорошо. Впервые она была той, кем хотела быть всегда.

Ведь это большой вопрос – как быть тем, кто ты есть в некоем мета-жизненном, высоко-магическом измерении? Реальность всегда даёт варианты по твоему образу и подобию, потому стать иным всегда так сложно.

Но она была каждой клеточкой своей собственной мечтой, когда трогала Мартина Сью по лицу, когда чрезмерно грубо прижимала ногой его член, и его низкий голос хрипло просил ещё – когда будущий ГлавГад ей подчинялся.

Вообще, всё было, как в наваждении, и в какой-то момент действие виски сменилось чем-то опьяняющим между ними.

В этот вечер Тэ И его так и не поцеловала – было бы странно облажаться на такой ерунде своего мизерного опыта. Ин-

интересно – каково это?

Ей стало моментально интересно, как же будет ощущать губы и стоны Мартина, и сколько всего через поцелуи можно провести и направить... Конечно, в немалой степени с точки зрения восточных техник белых тигриц: женщин, высасывавших энергию ци у мужчин посредством их слюны, семени, крови, и всего, что можно придумать в сексуальном взаимодействии. Когда Тэ И про это читала, то поймала себя на мысли об унизительности перспективы действий этих женщин – их концепция заключалась в обмене тела на силу, то есть вновь в специфичной силе «женской слабости». Да, подумать только – любая магия есть фильтр конъюнктуры своего времени, вот вам пример такой адаптации под идеологию.

Тэ И самодовольно отметила, насколько дальше в истинном соединении сил продвинулась – власть через изменение направления этого потенциала у объекта, да и ещё посредством прямого заявления своих абсолютных прав на неё, вопреки всех устроений общества. Только стоит переставать отмечать объект «Мартином» в своих размышлениях, а-то это имя начинает обретать неприятную отдельность от устрашающего ГлавГада.

Да – однажды про неё точно напишут книгу. В любом случае, целоваться точно надо попробовать...

А вообще, перед Тэ И после первого раунда осязаемого успеха встала нетривиально ясная задача – ответить на во-

прос, а что дальше?

Ведь выигранная битва – не есть выигранная война, и у неё нет гарантий о способности всех обстоятельных сплетений вновь сойтись в точке тех же событий, что продолжили бы её работу. Короче, нет гарантий, что эта сцена повторится.

И так непонятно, как проверить уровень успешности её операции, например, как такие встречи будут сказываться на будущей агитационной работе Мартина, и точно ли эти танцы с бубном приближают успех? Тэ И всё ещё была полевым экспериментатором с сомнительным моральным компасом.

Поэтому Тэ И размышляла логически: для повышения шансов на успех по мере выполнения её плана, стоит выполнить пару основных процедур.

Во-первых, иметь ресурс перепроверки уровня успеха или же характера её воздействий. Свои догадки и достояние уроков прорицания это, конечно, прекрасно, но Тэ И никогда этому набору не доверяла.

Во-вторых, было бы неплохо обзавестись союзником – информатором и сторонним аналитиком, который потенциально облегчил бы её груз спасителя мира.

И, наконец, самое важное – регулярное повторение действий, которые утверждены как эффективные. Так успех многократно увеличивает своё вероятностное поле.

Тэ И прикинула, что для двух из трёх пунктов ей абсолютно необходимо одно —

и это отношения с Марином Сью.

Несомненно особенные и приближающие к ресурсу его планов. Но как их вообще начать, при этом очевидно наращивая темп начатой тактики, она не понимала.

Возможно, нужно стать немного хитрее.

Глава 18. Игрок

Когда Тэ И вызвал к себе в кабинет Мудрец Наставник, она ничего не поняла. Повод, переданный заикающимся четверокурсником, звучал как «практика британского гостеприимства». Тэ И порой забывала, что была в статусе иностранной студентки.

А пока шла в обозначенное пространство, была вдвойне в замешательстве – что нужно от неё обычному учителю трансфигурации, да ещё и со стороны враждебного факультета: Мудрец-Наставник пока не был директором.

Любопытный факт – как только она вошла в кабинет, и ещё молодой и рыжий Мудрец-Наставник призвал «юную леди присесть рядом с ним», ей стало мерзко.

Нет, не то, что в этом было что-то проблемное, но в самом обозначении «юной леди» скрывалась непреодолимая стена ощущения её миром, сколь бы маскулинной и иной она не была.

Будто это было намеренное колкое напоминание о неизбежности её замкнутости самой в себе – о неизбежности того, кем она так невыгодно была.

Такое простое акцентирование на этом факте посредством обращения, удивительно легко обошло её защиты и ударило поддых. Она ощутила свою слабость. Если это было намерено – а зная Мудреца-Наставника, без остановки на

восторженной перспективе проецирования Другом 1 на него отцовской фигуры, это было вполне вероятно, – то он был страшным человеком.

Наконец непривычно яркий Мудрец-Наставник заговорил, и его голос уже тогда источал доверительную вкрадчивость:

– Мисс Тэ И, мне прекрасно известно, в отличие от моих добросердечных коллег, что ваша история на момент появления в стенах Школы – красочная выдумка.

Он секунду следил за окаменевшим лицом Тэ И и спешно, будто вспомнив о чём-то, продолжил:

– Ах да: стоит вас заверить, что никто за пределами стен этого кабинета об этом не узнает и до сих пор не узнал.

Тэ И поймала себя на мысли, что искусность формулировок будущего директора поражала – выбранная пауза перед продолжением фразы для грамотного создания эффекта угрозы, однако в логике «развития ситуации», без личной причастности за счёт милосердного избрания себя на роль спасителя. Браво, браво...

– ...профессор, могу ли я убедиться в ограниченности состава слушающих наш разговор?

А что – обтекаемые реплики Мудреца-Наставника могли скрывать в себе вселенные.

Мудрец-Наставник, явно удовлетворённый такой реакцией, улыбнулся:

– Конечно, Мисс Тэ И.

И взмахнул волшебной палочкой – магия детекции пронеслась по кабинету, вернувшись с нулевым найденным объёмом внешней информации, заключив между Тэ И и Мудрецом-Наставником пузырь неразличимости.

– ...однако, Мисс, это будет при одном условии...

Боже, опять он за своё – это однозначное «Мисс» резало слух и мозг, который явно достигался голосом Мудреца-Наставника через уши. А эта его способность вкрадчиво растягивать обыкновенные фразы сродни искусству детских шуточек в духе «Ахухал наш автобус» и вовсе бесила. Может, и ему условие поставить?

Но вместо этого Тэ И слишком натянута улыбнулась, предложив Мудрецу-Наставнику озвучить его условия, заведомо зная, что именно он попросит.

– Расстегните блузку.

От неожиданности Тэ И опешила – а учитывая, что показывать было нечего, да и грудь она идейно и не только десексуализировала, она бодро потянулась к пуговицам: может, не самый плохой вариант, по крайней мере лучше, чем рассказать всё.

Не успела она начать, как её прервал смешанный со смехом вопль протеста Мудреца-Наставника:

– Вы что, я пошутил, дорогая! Подумал, будет смешно. Простите мою неряшливую натуру – не смог устоять от такого абсурда...

М-да, Тэ И не знала, чему была удивлена больше – та-

кой беспардонности, тупости или солидарности с эпитетом «неряшливый» в рамках ситуации. Теперь сказочные нелепости в его пенсионном возрасте не казались такими уж безумными. Интересно, если это рассказать главному фанату директора, Другу 1, он поверит?

Тем временем ребёнок-переросток продолжил:

– На деле, моим условием является то, что вы всё мне расскажете. И ваша лёгкость в принятии моего предложения мгновение назад подтвердило мою догадку о том, что именно этого вы меньше всего хотите.

Рыжий чёрт. Чертовски умён. Тэ И прикинула, что в рамках ситуации лучшим для неё вариантом будет рассказать всё – ведь, кажется, она нашла искомого стороннего аналитика, главной характеристикой которого было – пройти наблюдательный тест на интеллект.

***

Когда она закончила свой рассказ, под конец выразив свои опасения по поводу способа начать отношения с «подозрительным объектом» (хотя Мудрец-Наставник сам догадался, о ком речь, так же, как и домыслил тип стратегии, разработанный Тэ И, тем самым негласно легитимировав его), Мудрец-Наставник недолго думал:

– Вы должны стать наречёнными в Самайн.

И Тэ И к своему неудовольствию была вынуждена переспросить:

– Наречёнными во что?

Её уязвило своё незнание. Мудрец-Наставник мягко прояснил:

– Самайн. Праздник начала зимы и конца сбора урожая с ночи 31 октября по 1 ноября – наш магический новый год. Суть его в концентрате сил на трансформацию и движение по неизбежному в момент истончения связи меж всеми силами магии – как и между людьми.

Не дожидаясь вопроса Тэ И, он наколдовал им чая и вновь заговорил:

– В Школе каждый год проводится празднование посредством коллективного ритуала, пиршества и, конечно, бала. Выбор пары очень важен для нового витка жизни в этот период, и при умелом обращении с энергией этого дня, именно это событие способно значительно приблизить вас к вашей цели, практически гарантируя успех.

Тэ И вновь хотела спросить и вновь осеклась.

– Полагаю, в будущем его не сохранилось, раз вы о нём ничего не слышали?

Вместо ответа Тэ И кивнула.

Мудрец-Наставник задумчиво отпил чай, заметно прихлёбывая:

– У будущего на всё свои причины.

Глава 19. Театр

Подстава – это ловушка близости. Как только ты принимаешь некую универсальную ценность мира и столь же значимый в ней для себя ресурс, ты уже воспроизводишь те модели поведения, что заложены в этом блоке. Нет, конечно, изобретательность новых форм возможна и осязема, но некогда ты находишь себя в тупейшем положении желания внимания другого человека, и тебя уязвляет не только факт желания, но и отсутствие владения атрибутом искомого человека-цели.

Мартин всегда смеялся над этим, особенно когда с удовольствием отмечал обилие таких жизненных чувств в свой адрес от девчонок всех сортов. Он всегда поражался – что же должно такого произойти, чтобы гордая и статная девушка со своими интересами стала плачущей машиной слепой отверженности.

Ну а вот с ним случилась Тэ И.

Видимо, есть на всех своя Тэ И, или же теории кармы из истории восточных практик магических законов верны. Или всё, о чём он не может размышлять трезво, – результат пока не разгаданного им механизма.

Поэтому, чтобы изменить жалкое настоящее, Мартин обязан понять его. А для этого стоит создать видимость сильной руки, как завещали тёмные маги воли.

То есть намерено сблизиться с Тэ И, иллюзорно демонстрируя личный комфорт от их совместного со-положения.

Так он изменит внешний ряд своего комплекса реакций и на этой почве взрастит базу ценных пониманий, которые направит в противоположную сторону силового аспекта. Поводы сближения, не считая уже всего случившегося, для него всегда были. А контекст унижительной сцены в ванной старост он подавит в сознании момента – при упоминании ловко создаст видимость нормы своего чувства.

Кажется, звучит надёжно...

Уровень неконтролируемости чувств, к большому сожалению, просчитать в сложившихся условиях тяжкой совместной истории ещё труднее, но на всё остальное есть импровизация.

***

Когда Тэ И сама подошла к нему дождливым вечером и пригласила на Самайн, Мартин ничего не понял. Мало того, что необходимость сближения с этим извергом для переворота игры была установлена им самим, так он не успел толком подумать о своей методологии действий.

Были идеи использовать служебное положение старосты, например, по части выдуманных контролей учебы или совместных проектов, но ничего подобного не было на академическом горизонте, да и потом – не было нужды у столь успешной студентки в его советах.

Теоретическим номером два в списке поводов сближения

был грядущий бал на Самайн.

Любимый праздник чудака Мудреца-Наставника.

«Судьбоносное сплетение душ и истончение граней», как любил нараспев затягивать последний, было чрезмерным событием с недооценённой общественностью силой.

Дело в том, что это дорогое время каждый год Мартин тратил на соединение с собой. А именно – на ритуальную работу символического избрания в качестве пары...самого себя. Он не выбирал внешней пары – молча уходил с официального праздника, уединявшись в Астрономической башне, сообщая порыву холодных ветров смены курса года свои сокровенные тайны.

Да – Мартин всегда работал над собой. Над тем, чтобы быть собой.

И пожертвовать таким днём было бы совершенно неприемлемо...

Но у Мартина молнией сверкнула гениальная, как и он сам, идея. Поэтому он расчехлил все силы для очередного спектакля, пусть и перед такой трудной аудиторией:

– Жалуешь подобной честью? В наших краях столь навязчивое внимание девушки давно признак верха неприличия...

Тэ И думала что-то сказать, но Мартин был точнее:

– Но ты и здесь наверху.

И улыбка – главное, беззаботная улыбка и прямая как струна спина.

Если честно, при виде Чудовища Мартину уже давно хотелось свернуться колачиком и убежать далеко-далеко.

Сейчас на сцене, под прожекторами жутких тёмных глаз, был неподражаемый артист иллюзий, минимум дважды сломанный в прошлых постановках при привычных декорациях. Но декорации можно сменить, сценарий пьесы переписать, и весь за годы наработанный репертуар вновь служит на его стороне верой и правдой.

Со зрителем действует один критерий победы – его любовь.

Со зрителем работает один способ любви – иллюзия.

Как минимум, иллюзия его собственного владения зрением. Сцена позволяет зрителю на короткий миг ощутить себя глазом бога, следящим за мерной жизнью людишек перед их носом. Залог успеха – постоянство этой иллюзии.

А Мартин Сью – прекрасный актёр.

И довольно поднятый подбородок Тэ И дал понять, что она уже выбрала место в партере.

Она даже не смотрит на него: изучает проходящие мимо юбки старшекурсниц, говорит на выдохе:

– ...Я не привыкла скрывать своих настроений, особенно если предыстория событийного использования уже создана.

А вот это было больно. «Событийное использование»??? Как ей наглости хватает говорить такое в лоб – то есть ему прямо указывают вещественную природу мотивации интереса к нему, и это то, чего Мартин больше всего боялся. Мо-

ральный козырь уже случившейся истории позора.

Сторонний актёр малой сцены мог бы спросить: а что мешает Мартину придушить засранку или прервать всяческие пересечения – выгнать из зала через административные силы за нарушение правил?

Но сторонний актёр потому и играет на малой сцене, что не понимает природы больших событий.

Поэтому Мартин проглатывает охвативший его стыд, слегка приостанавливает порыв неуёмной злости (он ему еще пригодится как строительный материал бóльшей конструкции), с колоссальным усилием пропускает сказанное мимо ушей и переходит к катарсису невинного скрежета:

– При всём интересе к подобным интерпретациям естественности, я вынужден с огромной горечью Вам отказать.

В голосе сквозь тон весёлой непринуждённости слишком явственно колыями торчал зловонный сарказм. Возможно, так даже лучше – голос его никогда не подводил.

И ведьма теряет контроль ровно на долю секунды, когда её лицо белеет, и на лбу вздымается вена.

***

В течение следующей пары минут Мартин видит, что за чем-то очень нужен этой девице, что он всё ещё невероятно стратегичен, что боги удачи именно сегодня нарекли его родным сыном, и на изложенные им условия похода с ней она со скрипом в голосе, но не во внутреннем знании, сказала да.

Конечно, она не знает о ритуале, в который он под шумок

«событийного использования» её втянет, тем самым закончив свои мучения и метания вынужденной роли урода раз и навсегда.

Возможно, проигранная битва – это просто интересная война.

Глава 20. Сказка

Их с Мартином обоюдно исподвыподверта эмоциональные игры вроде были весёлыми, но по сути как бюрократия – переложение бумажек из стороны в сторону. Эта сцена приглашения на бал из какой-то там намеренно ранящей Мартина мотивации прошла почти по плану настроения и заряда.

А когда-то Тэ И умела и могла себе позволить общаться прямо, без задач и миссий.

Про последнюю приходилось напоминать себе довольно часто: держать лицо оказалось более истощающим, чем она предполагала.

Например, когда ей говорили комплименты новоиспечённые фанаты в гостиной или в большом зале, она даже не утруждала себя искусственной холодностью – она искренне ничего не испытывала.

Все слова ровно попадали в тот образ, который она с таким усердием осваивала, но феномен эмоционального касания ушёл почти полностью.

Одно из двух: либо это признак высшего магического развития, либо сигнал крайней степени эмоционального истощения.

Одно было точно – ей чего-то остро не хватало.

Как полагается отдыхать тому человеку, которым она теперь была, Тэ И не знала. Единственной ниточкой связи с

чем-то истинно ценным для неё осталась библиотека.

Когда Тэ И было плохо и одиноко, она всегда приходила в это место. Друг 1 и Друг 2 наивно думали, что дело только в книгах и её стремлении к учёбе.

Им не приходила мысль, что книги можно почитать и в комнате, а все уроки Тэ И делала в общей гостиной рекордно быстрыми темпами.

Библиотека всегда была для Тэ И чем-то бóльшим.

Когда она приходила сюда, в мир высоких стеллажей и древних страниц, в мир шелеста и шёпота величественного прошлого, она была совсем не в Школе с её учёбой, социальной реальностью и насущными задачами.

По мановению волшебной палочки из не-магических сказок про добрых фей Тэ И оказывалась в древнем предании о принцессе, бродящей по закоулкам заколдованного замка с множеством тайн, которую ждали захватывающие приключения и прекрасный принц, беззаветно любящий её.

Тэ И отдыхала в библиотеке, погружалась в тонкое чувство сияющей реальности, которое было неведомо окружающим даже среди настоящих магов в настоящем заколдованном замке.

Только вот Тэ И – не принцесса, и принцов не бывает, да и весь конструкт сказки: выдуманная машина нормализации границ жизни. И сейчас она оказалась на обратной стороне Луны, когда вместо принца – дракон, которого нужно покорять тем, о чём не рассказывают детям, а ещё идти с ним на

бал и оказать какую-то помощь с всё той же гиперзадачей в голове.

Как только Тэ И очутилась на пороге личного места силы, всё это отступило на задний план.

Часы в библиотеке проходили незаметно и легко, чего ей так не хватало.

Её тайный источник вновь открыл портал в свободные миры счастья – на этот раз это была её любимая сказка про эльфов из славянского мира. Тэ И верила, что именно в сказочных историях содержалась вся мудрость невысказанной реальности, или Нави, как полагали славяне.

Возможно, именно эта тайная вера не определила её в своё время на факультет-для-умников. Основной сюжет книги был посвящён приключениям единственного человека в жестоком мире эльфов – девушке-убийце, которую наняли убить принца эльфов при загадочных обстоятельствах, и о странной связи, так неуместно образовавшейся между девушкой и её жертвой.

На новом витке история читалась намного ближе и откровеннее.

Поэтому когда Тэ И увидела на последней странице обозначение вышедшей второй части, она тут же побежала к библиотекарше за томиком продолжения.

Крошечная пожилая волшебница с сияющим добротой лицом сочувственно покачала головой:

– Милая, она пока у нашего постоянного посетителя чи-

тального зала... Но ты можешь подойти, спросить, когда освободится – это очень быстро читающий мальчик.

И когда Тэ И зашла за большой стеллаж противоположного конца читального зала, указанный как любимое место нынешнего владельца книги, она увидела уже слишком знакомый затылок.

***

Есть вещи, о которых можно говорить бесконечно, и встреча Мартина и Тэ И у книги сказок явно не одна из них: они молча замерли, с одинаково потерянными лицами.

Крайне неожиданно и неловко – попадание в ситуацию обоюдной уязвимости двусторонне отрубило возможность красноречия. Оба искренне зарделись, осознавая одновременное выпадание из внешних контекстов, которые каждый с таким усердием строил. Всё равно что двум враждующим мафиози оказаться в магазине плюшевых игрушек.

Правда, у Мартина был плюс один повод для беспокойства. В моменте составления гениального плана тайного вовлечения Тэ И в разрушительный для неё ритуал на Самайн, у его решения была стихийно выбранная основа.

И это – фрагмент его любимой книги сказок. По сюжету главный герой-правитель должен был ритуально стать единым целым с девушкой, нанятой как его убийца, и этот жест сделал бы её навеки преданной ему. В планах Мартина родилось что-то подобное, и для доработки своих интуиций он решил обратиться к первоисточнику.

К тому же, в нейтральной среде покоя этих стен мало кто замечал глубину сказочной литературы, и никак не мог ему помешать.

Конечно, кроме Тэ, мать его, И.

Обоюдно пойманный ступор нельзя было оставлять между ними просто так.

Из невнятного молчания Мартин перешёл в мычание:

– Мм, я скоро закончу. – он потряс книгой, заложив палец на необходимой странице.

Тэ И выглядела не менее удивлённой, и эта эмоция, как нечто хтонически принадлежащее её корневому «я», прорвалась на волю после небольшой паузы:

– ...Что ты нашёл в этой книге?

Брови Мартина подскочили. Почему-то это было неожиданно... прямо – прямо к нему, в его интерес, тем типом звучаний голосов людей, которые он давно в принципе до себя не допускал.

Он поправил волосы:

– В подобного рода литературе сокрыта подлинная стратегия вынесения вовне человеческой природы, а значит и стратегии магии. Магия человека – тот же свод правил, который в меру своей согласованности и регламента допускает человека к первостепенному источнику магии. Вот в сказках и изложены эти правила, определяющие магию – её границы.

Как только Мартин сказал это, он тут же пожалел – его моментальный отклик расширенного представления своего ис-

тинного интереса и взгляда по теме был опрометчивым жестом. Но эта прямота момента пробудила в нём почти рефлекторное желание высказаться полнокровно – так, чтобы это точно произвело впечатление.

Продолжить взвешивать «за» и «против» своей реакции он не успел – Тэ И села рядом:

– Редкая позиция в наши дни. Свод полагаемых правил и есть магическое изобретение человека, потому сам факт существования магических дисциплин как монолитных рукотворных комплексов поражает... Ведь это всё по сути придумано: именно зелья, именно прорицание и многое другое...

Она звучала мечтательно, увлечённо. Тэ И очень давно по-настоящему ни с кем не говорила. Мельком она подумала, что, возможно, звучит слишком интонационно легко, потому стоит напустить мрака в её эмоциональный фон.

Но, с другой стороны, небольшой контраст в её поведении ещё больше закрепит её одной большой неизвестностью в сознании Мартина... то есть, объекта, и весь этот разговор, по воле случая ей не противный – прекрасный шанс эффективно сблизиться с объектом. Удачно она зашла... Пока надо продолжать говорить, – а факт того, что на её искренности интересов стоит фильтр настоящей мотивации, будет вести её по верной стратегической дуге.

Как Тэ И села рядом, Мартин почувствовал сводящее дыхание жжение от лёгкого соприкосновения их коленей и запах леса. Экспертное обоняние изготовителя снадобий дало

понять, что это был очень приятный запах компонентов, набор которых с трудом можно было представить в парфюме – корни мёртвого дерева, сырые хвосты слизней, экстракт паразитов можжевельника...

Ему хотелось продолжать говорить с ней, слышать её влекущие мысли.

А пока он поймал себя на мысли, что чисто тактически стоит продолжить беседу в максимальной расположенности к ней, раз удача вновь предоставила ему шанс продвижения в его затеях сближения и переворота игры:

– Как здорово сказано! Я и сам интересуюсь границами оснований того, что полагается сводами магического допуска, ведь многие формы, описанные в книгах, нашли выражение не в магических воплощениях, а мире людских сплетений, хотя магию это ещё как обедняет. То, что могло стать новой формой магии, стало одним из многих сомнительных правил общества, и таких примеров немало.

Язык охотно продолжал образовывать звуки, открывающие волны его мыслей. Мартин не видел того, что могло бы ему угрожать в текущем рассказе – он держит руку на пульсе, да и постепенная вербовка в число его идейных последователей, по правде (к его досаде) очень талантливого мага из Другой Магической Школы, точно ему на руку.

Ещё о руках: ему на руку упал её взгляд – впервые настолько лучезарная, она кивнула на книгу про эльфов, которую Мартин крепко сжимал:

– Более того: границы воплощения в социальном и создают границы магического способа в принципе! Такие, как видовые ограничения, как показано в книге, где людей считали недо-существами.

Момент – и момент уже не был прежним.

***

Ещё мгновение назад студенты факультета гавнюков горячо обсуждали обоюдно важный вопрос магических границ в пустом читальном зале.

Но истина проста – каждый смотрит на всё из собственного фильтра.

Тэ И единственным развитием разговора видела переход к теме классового доступа к магии – к набору прав, за который она лично боролась в своём лице. К этому же так располагала книга.

Мартин единственным развитием разговора тоже видел переход к теме прав, но равных прав как выдуманых условий для искусственного уравниения существ – переход к теме стирания границ общественных конфигураций теми Единственными, что обеспечат своим руководством истину.

Каждый чувствовал провал своего плана, но к этому добавилось слишком близкое к сердцу ниоткуда взявшееся опустошение.

Конечно, Мартин не мог не высказать Тэ И (в меру возможности мягко) явное несогласие с её верой в людей и то, что видовые аспекты – то, в чём не нужно вообще состоять

для истинного не-граничного перехода к другой реальности. Что мыслить надо глобальнее.

Как и Тэ И не могла не начать жарко спорить, не могла не выдернуть общую любимую книгу из его рук в поисках иллюстрации своей правоты.

А значит, по мановению волшебной палочки не могла не найти кусок описания ритуала на балу, который Мартин пришел перечитывать.

А значит, и всё понять, разрушая иллюзию всего лишь захватывающей дискуссии, в которую она с таким удовольствием хотела хотя бы ненадолго провалиться.

Всё-таки сейчас в её жизни палочками машут только феи со скверным характером.

Глава 21. Предпосылки вечности

Здоровые отношения здорово заканчиваются, а ебала длится вечно Анонимный мудрец

Она обманщица.

Она дружила, потому что боялась одиночества. Она говорит про неважность полового компонента, но обижается на «милая», «мисс» и прочие символические обозначения женского, и сама от этого с отвращением максимально бежит.

Она бьёт себя кулаком в грудь на предмет равенства и новых возможностей для всех, но на самом деле использует это как трамплин своего превосходства, и выбирала она всё всегда в соответствии с тем, насколько способна быть лучшей. В окружении, в среде – неважно.

Спрашивается, как ещё объяснить нелюбовь к Той Самой Странной Девочке, которая есть в любой школе? Только обнаруженной несостоятельностью Тэ И в широте мышления в ряде перспектив.

В общем, Тэ И была на учёбе только номинально – её мысли проносились по другим мирам.

Мартина на учёбе не было, что её неприятно беспокоило.

На уроках она все ещё задавала блестящие вопросы и давала блестящие ответы, но всё это не радовало – какой-то смысл сместился, а куда – понять было сложно.

Сейчас Тэ И перемешивала зелье блокировки воспалений

в кабинете Профессора на совместном занятии с успешными стать чужими представителями её бывшего и когда-то родного факультета выскочек.

Дедушка Недруга как обычно старался держаться к ней поближе, из-за чего Аристократка бросала в их сторону ревнивые взгляды.

Интересно, есть ли хоть кто-то, к кому она не ревнует?

За чтением инструкции по приготовлению зелья было удобно спрятаться в свои мысли.

Из головы не выходила ночь в ванной старост, и ей хотелось ещё. Но как по ощущениям, так и в сравнении с её потребностью, Мартин держался слишком спокойно.

А узнанная информация о плане его ритуала, как подсказал Тэ И случай и интуиция в библиотеке, и вовсе... глубоко задела её.

Странно, но ей всё больше хотелось сотрясаться от распирающего осязания своей власти, и главным критерием власти была подвластность того, по ту сторону. Она будто проглотила наркотик, который тянул её потребности и сделал странно благосклонной к жертве.

Ситуация тайного верховного плана Мартина на Самайн была помимо того, что опасна для неё, так ещё и носила характер оскорбления. Она как бы прерывала безусловное положение Тэ И в связи между ними, что было так нужно ей, но появилось кое-что пострашнее. Тэ И обидело то, что она не ожидала в себе увидеть.

А именно – плевок в искренность момента.

Да – душа, пока она есть, просит искренности, и, наверное, сплетение обстоятельств создало эффект пощёчины и предательства оттого, что их с Мартином увлечённое обсуждение близкой к сердцу литературы было сопровождено элементом подковерной игры, которая никогда и не прекращалась.

Кто бы мог подумать: Тэ И агрессивно разрежала лук порей, наблюдая за пузырившимся зельем, которое становилось зеленоватым, и отмечала, что завидует Мартину Сю.

При всём сделанном с ним, при всей силе её тайной и явной работы уничтожения его сути, Мартин всё ещё довольно прочно стоял на ногах и выражал спокойную... доброжелательность, с которой не вступал в противоречие. А ей это и было надо. Отсутствие спорного сплетения в нём уже представляло опасность плану. Чёрт, да и как вообще с этим можно было смириться?

А ещё у Мартина Сю была ясная, пусть и жестокая, проблемная, но цельная жизненная позиция...

Тем временем Профессор снадобий неторопливо проходил по рядам, осматривая результаты работ, а Тэ И кусала губу – было даже обидно, что то, чего ей так перестало хватать, а именно цельности, ясности ориентиров, ей и нужно было разрушать в Сю. Ещё и достаточно убедительно, чтобы это приносило свои плоды.

– Мисс Тэ И, вы как всегда на высоте... Хотя обычно вы

справлялись немного быстрее. Возможно, не хватает здоровой конкуренции в лице мистера Сью.

Профессор лучезарно улыбался, и одно было точно – Тэ И срочно нужно было что-то делать, дабы не потерять управление ситуацией как до бала, так и на балу.

Возможно, неплохо бы обратиться к Мудрецу Наставнику.

От мысли о последнем стало легче.

А пока она собирала вещи, сообщая Малфою с Ноттом, что ждать её не стоит, Мартин лежал на диване, скрючившись от боли.

***

Он ехидно подмечал, насколько значимо умеет делать вид, как ему комфортно и нейтрально. Как он спокоен, самостоятелен. В библиотеке Мартин превзошёл самого себя.

Но с новой силой накрывало тошнотворное чувство подчинения, именно когда видимая часть связи с ней заканчивалась, и Мартин оставался наедине с собой.

Он вновь хотел быть свободным, дерзким, живущим сам по себе. Но он раз за разом возвращался в ванную старост, и колесо его мыслей стало синонимом этому навсегда ставшему знаковым пространству.

Мартин ощущал это натяжение внутри, как он уже не жил в себе – вместо этого против воли передавал себя по кусочкам очень конкретному адресату.

Сравнительный комфорт он чувствовал, когда говорил с

Тэ И о чём-то своём, вот как в библиотеке. Он будто брал свой домик улитки в качестве защиты, и с ним было намного спокойнее – он говорил из верного укрытия и чувства своей территории.

И всё ерунда, по сравнению с этим чувством краткого, но разрывающего внутреннюю стену потока речи с ней.

Ерунда, что весь план, вероятно, раскрылся её внимательным взглядом и удивительно глупым попаданием в момент, и стоит придумать что-то взамен.

Ерунда, что их ссора дала ему сил, но по ощущению и прервала что-то, из чего не хотелось возвращаться в привычный мир недоверия и тайн.

Однако скоро Самайн – и Миссия вновь не ждёт. Только войти бы в силу.

***

Рассказать можно о многом: как Тэ И хаотично ввалилась в комнату Мартина с переданным со свахой-Слизнортом противоядием, и как ввалились за время приступов глаза Мартина, на что выпучились глаза Тэ И.

Как её назидательный план нанесения новой порции тяжкого физико-сексуального вреда был стёрт суровой реальностью наблюдаемой картины, и она осталась читать Мартину ту же сказку, что ещё пару дней назад была неловким обстоятельством интереса между ними.

Как они переговаривались, легонько, сродни дыханию, продолжая уже начатое обсуждение, и как их голоса создава-

ли звуковую сеть приятных успокаивающих низов. И шутки в меру сил Мартина были невесомыми – почти добрыми.

И как Мартину впервые стало значительно лучше, а Тэ И по его просьбе пообещала забыть о произошедшем, оставляя это только между ними. И как эта стратегия тайны впервые не была уловкой Мартина, а настоящим словом по неведомому импульсу от чего-то слева в грудной клетке.

Но и как не знающая об этом Тэ И, неловко соглашаясь, вновь ощутила вернувшийся из забытого времени холод от-
вержения.

Холод толкает на многое близкое к разуму – новое наставление Дамблдора «сблизиться и углубить унижение любой ценой» всплыло верным напоминанием.

Она остановилась у самой двери:

– Взамен у меня условие: дизайн ритуала, который ты так ярко увидел как рабский, мы оставляем, но с добавлением моих личных практик. Поправляйся.

Она вышла, не оборачиваясь, и голос Мудреца Наставника по-отечески через пару часов сообщил, что её гора власти стала невероятно выше предварительного плана.

Ведь от принятого приглашения на Самайн нельзя отказаться, как и от пространства обещаний в промежутке к нему.

И холод унёс все проблески тепла.

Глава 22. Танец на Самайн

– А ты не говорила, что хорошо танцуешь.

При таком освещении Мартин был катастрофически красивым молодым мужчиной. Решительный подбородок, близкое звучание его плотного голоса, такие приятные сильные плечи, которые точно были очень тёплыми под тканью пиджака.

Конечно, то, что Мартин Сю – красавчик, было Тэ И известно. Но никогда до этого момента она будто не могла ощутить на себе его шарма, пропустить это знание через себя.

Это был экспрессивный молодой мужчина в полной силе и с достаточным шармом, чтобы у любой другой женщины снесло крышу. При мысли о других вокруг её сердца распустился колкий кактус.

А он танцует с ней...

Этот комплекс мыслей тематически стал ей неприятен – почему она вообще должна заботиться о таких вещах. Она ощутила следующее за влечением смущение, а это совсем не то, чего она хотела от себя.

Ей тут же стало неловко поднимать на него глаза, захотелось почти незаметно прильнуть к нему ближе и вдохнуть его запах, утопая в красивых руках, вверяя себя им.

Но Тэ И опомнилась.

Неужели это всё неизбежная женская реакция?

Концептуально она с этим разберётся позже – а пока важно то, что она больше тех навязанных программ, стихийно влетевших ей в сознание. И эту выдуманность она разорвёт силой.

–Пережиток распределения ролей. Стоило в этом убедиться.

Тэ И отстранилась.

– Спасибо за танец.

Мартин смотрел ей вслед, а она предпочитала не думать об этом.

Глава 23. Рубеж веков

Чего хотят люди?

Обрести себя.

Теория временных рядов и потенциалов вновь помогла Тэ И и в этом – правда не так, как она ожидала. И что носителем этих сведений окажется сказочная история про эльфов, она тоже не предполагала.

Дело в том, что ритуалы – это не стеклянные шары, благоволия и повороты вокруг своей оси.

Это – активированное намерение использования пучков энергий в текущий момент времени в меру свободы и целей мага.

Проще говоря, когда Мерлин крутится вокруг своей оси внутри соляного круга на полу, видением символьного смысла этих предметов он просто помогает своей личной задаче.

Есть стабильные комбинации таких подспорий, вошедшие коллективными усилиями в признанные сочетания, что особенно хорошо для работы в «свободные» точки года – то есть не в праздники.

Даже заклинания – стабильные команды, которые маг достаёт из большого мешка или банка уже общего магического достояния.

Но сейчас Самайн – период продуктивного хаоса, где границы лишь в смелости изобретателя своей судьбы. Исключо-

чительно на свой страх, риск и голову.

Та сказка про эльфов удивительно вторила идее магических потенциалов в ветках реальности. Ведь весь ритуал принца состоял в том, чтобы поцеловать будущую принцессу – «сделать слугой». Ведь любви – служат.

То, что прирастает к душе, навеки остаётся в её цельной оболочке.

План Мартина был до одури прост – поработить любовью, внося её в ритуальный поцелуй, меняя положение фигур на шахматной доске.

Но Тэ И умна – она сама станет принцем.

Изменит направление потенциала, вкладывая в свой инициативный поцелуй финальный аккорд. Мудрый механизм – жизнь в голове Мартина Сюю на его собственной ветке магического ритуала. Окончательный захват территории сознания и силы.

Тэ И притянула ухмыляющиеся губы к себе, вгрызаясь в зовущую плоть. Это поцелуй возможности. Поцелуй применения другого.

И всё в ней наконец-то возвращается на места – она снова сидит на вершине мира, и его шумное дыхание – горные ветра.

То, что успело в ней проснуться, берёт управление на себя – оно всё знает.

Язык Мартина в меру сухой, а ротовая полость влажная: ей это нравится. Она не следит за своими движениями – она

передала чему-то в себе контроль.

Есть только вершина, стоны и дрожь Мартина. Из его губы течёт кровь, на щеках – мокрые следы укусов.

Она была права: поцелуй – прекрасный способ сообщать информацию. И сейчас это сообщение победы.

***

Тэ И победила.

Самайнский ритуал подвёл черту.

Только вот кровавая жажда в адрес Мартина некогда инструментального толка уже какая-то глубинная и слишком личная.

А равнодушие, проснувшееся вместе с Великим Зверем, который живет в ней, требовало осязания Мартина ещё до предположительного начала ритуала.

Тэ И теперь ясно знала, что больше всего секса в обыденных вещах, вроде поворота головы или того, как медленно поднимаются веки при моргании.

Тонкие мимические моменты.

А ещё Тэ И нравился Мартин Сю.

Самайнский ритуал подвёл черту.

Глава 24. Всё просто

Теперь для него всё было просто – он проиграл.

Да-да: их танец был бы удачным моментом запуска магической программы её подчинённости – он на это так рассчитывал.

Он не знал слов, чтобы объяснить с собой в уже былом героическом прошлом так, чтобы его провал в настоящем хотя бы минимально был принят.

Потому что это были не слова – в танце была чистая магия.

Магия того, как они чувствуют друг друга, и как его обычно растущий колючкой ком в солнечном сплетении вылетает из тела и внезапно становится ещё одним духовным глазом, и сквозь него старые-добрые обычные стены Школы кружатся витражным объёмом, а ожидаемо раздражающие радостные лица вокруг внезапно имеют отношение и к нему тоже, и действительно радуют.

И он ее не целует.

Он не любит терять важное. И потому обменивает это что-то на самого себя.

Глава 25. Только по ночам

Всё-таки соткана реальность из программ поведения. Готовые скрипты, которые вжираются в добровольное желание, осваивая человека вопреки его воли помимо осознания способности отделять себя от внешнего.

Первая такая программа – любовь.

При всём цинизме Тэ И была ценна мысль наличия кого-то, кто тебе предназначен, кто может стать безусловной частью твоей жизни.

Люди ищут поддержки в одиночестве жизни – и идея любви очень хорошо закрепились, так как она обладает эмоциональным смыслом природы человека, а также вирусологически способствует размножению видов.

Тэ И подумала, что человеческий вид размножается не только половым путём – довольно мерзким и заманивающим спецэффектами, если прикинуть. Например, создание своих произведений с вложенными идеями и смыслами – чем не размножение спорами?

Воздушно-капельным путём. А что насчёт оказания своих услуг – чем не деление?

Чисто магически существовала логика рода – передачи дальнейших сил.

Но не просто ли это одна из программ, и любовь здесь точно вирусологический инструмент привязывания женщи-

ны к надежде на власть над другим человеком через его любовь к ней?

И всё же хотелось, чтобы была любовь без удобства или не попадающая в программы удобных жизненных выборов. Грустно, что что-то глубоко внутри хотело этого.

На начало учёбы Друг 1 подарил ей подарок – ведь начало учёбы было для неё праздником. Как хорошо, что она взяла с собой эту память о настоящей жизни.

Тэ И распаковала подарок от друга. Это было дорожущее издание живых книг по истории альтернативных магических экспериментов.

Тэ И с огромным удовольствием погладила книги, и её одолела грусть.

Если подумать, Друг 1 был прекрасным. И очень во многом похожим на Мартина, пусть она ему об этом никогда не скажет.

Да – у Тэ И были гипотетические мысли, что было бы, стань они с Другом 1 парой.

И она не могла уйти от одного возможного ответа – ничего хорошего. Наличие реальных романтических ожиданий разрушало бы всё то, что было между ними, и она была благодарна взаимной остановке на станции «дружба».

Возможно, здоровые отношения – миф, так как любые отношения по определению что-то нездоровое.

Если задуматься, у Тэ И не было примеров положительного женского сексуального поведения. Культура напичкана

положительными поддерживающими сценариями для мужчин, а для женщин всё быстро конвертируется в какие-то творящие силу единицы.

Тэ И даже не понимала – её стремление к андрогинности было естественным выражением её личности или последствием какой-то дурной игры принятия чужого видового превосходства. Да есть ли грань, или она так тонка, что не имеет значения рассуждать о её корнях.

Пустая философия.

Да и ещё новая встреча с Мудрецом Наставником принесла порцию очередного напряжения.

За игрой в ненавистные шахматы, которые парадоксально ей не давались, учитель будто наслаждался смущённой слабостью оголтелой спасительницы мира и явно чувствовал себя в достаточном комфорте.

Когда Тэ И вновь попыталась максимально внятно, без этого тошнотворного смущения, пояснить новые условия всей ситуации, которые её закономерно сильно беспокоили относительно влияния на план, будущий директор побагровел до самых ушей.

Но уже следующим его действием был шах:

– Так держать! Я, м-м, настоятельно рекомендую вам закрепить результат.

Тэ И непонимающе смотрела перед собой и сделала ход остатками своей шахматной армии:

– Я вас не понимаю, профессор.

Мудрец-Наставник разгорячённо продолжил:

– Любовь – лучшее оружие уничтожения. Это как рассечь воздух и взмахнуть.

Мудрец-Наставник поставил мат.

Король Тэ И драматично упал с доски.

– Сближайтесь и ждите сигнала. А на сегодня мы с вами закончили.

«Что это было» бегущей строкой поразило мозг Тэ И. Что-то смутное – беспокойное.

Так и начались длинные каникулы – очередной повод никого не видеть.

Видимо, так решила не она одна.

И правильно.

Сжимая в объятиях книгу, Тэ И рухнула на кровать.

Иногда бывает трудно понять, кто тебе человек – злодей или нет.

Возможно, проблема в твоём отношении или комплексах, или в слабости в сравнении с выбранной фигурой, и потому сдаваться катастрофически нельзя. А если всё так безоблачно, то почему так гадко и контрастно на душе?

Порой Тэ И понимала, что может быть близко только с тем, кто в меру убогий.

Тот же Друг 2.

Когда этот кто-то в меру ей не нравится.

А если в ней есть искренняя симпатия, то это становится катастрофично.

И не для неё одной.

В общем-то одна из причин выбора Друга 2 в качестве любовного интереса – именно это интуитивно выделенное свойство.

Тэ И гнала от себя знание, почему она думает об этом именно сейчас.

Но должна же победа давать какие-то стратегические преимущества.

***

От слёз щипало глаза.

Мартин откуда-то вспомнил, что всегда выбирал тип отношения, а не любовь.

Любовь часто отдалена от отношений в его пользу, думал Мартин.

И где-то тот же путь мысли проходила Тэ И.

Если ты любишь – это роспись в слабости, в дурном финале – это был опыт, аккумулированный столетиями. Про это знала Тэ И.

И тем более Мартин.

В сердце что-то горело, и в висках пульсировала яркая мысль – вдруг мой выбор типа отношения вместо моей любви есть ложный эгоизм? Вдруг я боюсь переродиться, заменяю все свои решения знакомыми схемами ожидания жизни. Вдруг я боюсь... силы.

От мысли о любви стало жарко, и глаза уже беспрекословно сжались.

Стало так грустно и хорошо.

И это было что-то страшно правильное.

Оно вело в коридоры замка.

***

Вот и ситуация. Чудо в стенах магического замка – история про эльфов в мире хмурых мантий.

Они с Мартином стояли уже некоторое время на входе в её комнату, прижавшись друг к другу. В этих объятиях не было похоти – было болезненно великое видение друг в друге тепла, взаимное желание согреться и навсегда замереть в этом состоянии. Почему-то на глаза наворачивались слёзы. Но плакать было неуместно.

– Я не хочу больше страдать. Я просто хочу наслаждаться.

Тэ И просто решила быть искренней. Ей почему-то было так одиноко и одновременно тепло в этот момент, что она с грустью подумала, как же жаль, что нельзя просто сохранить себя в эту самую минуту. Когда Мартин такой ласковый и нежный, когда он сам почти плачет, или это то, чего ей бы очень хотелось.

– И я тоже.

Мартин ответил серьёзно, абсолютно на той же волне её чувства момента.

Было приятно вот так быть солидарным в этом направлении мифических желаний реальности, которая всё никак для них не случалась. Боже, почему же так хочется заплакать.

Глава 26. Архетип Шута

«...любовь – это мёд, в котором слишком силен привкус пепла.»

Юкио Мисима «Маркиза де Сад»

Возможно ли не насиловать волю другого?

Все счастливые люди именно этим и занимаются, но в тонком масштабе своей настройки на мир – поэтому не бывают пойманы.

***

– Не ожидала от рыжего олуха?

Друг 2 ухмылялся не зло, а как-то обиженно. И теперь она чётко его узнавала.

– Я...

– Никогда не воспринимала меня всерьёз. Я знаю.

Друг 2 спокойно передвинулся к окну.

– Подойди ко мне.

Тэ И не сдвинулась с места.

– Да не бойся. Отсюда лучше видно.

Друг 2 ободряющим жестом позвал её.

Тэ И нерешительно встала у окна по левую руку директора (Мудреца Наставника).

Не смотря на неё, он заговорил:

– Ты наверняка задаешься вопросом: как же так произо-

шло, и самое главное – зачем. Если, конечно, я правильно вижу твои мотивации в этой реальности.

Тэ И хотела ответить, но он не дал ей этого сделать:

– Понимаешь, Тэ И, ты слишком умная. Слишком умные придумывают то, чего нет, а это очень, очень плохо...

Он внимательно всматривался вдаль, а Тэ И не могла понять, что же он там увидел.

– ...для них самих. Но для таких простачков, типа меня, самое главное лакомство.

Кстати, будешь кармаельку?

Тэ И чувствовала тяжесть своих ног и таких же тяжёлых мыслей.

Вязких, как слишком густая кровь.

В этом человеке, мудром директоре и простоватом друге, играло множество красок – всё рябило как в старом телевизоре.

Эффект зловещей долины не покидал её, а также живой страх неизвестного.

Но она – выскочка.

И она – гавнюк.

Поэтому Тэ И выдавила из себя... смех.

Недоумение в лице волшебника позволило ей продолжить:

– Я в восторге. Ну и как тебе всё это удалось, профессор?

И он показал.

Её рука прошла сквозь то, что казалось стеклом. Она про-

валилась в хранитель памяти.

***

Он всегда был не в удел.

Все эти истории слышали миллионы раз – нелюбимый ребенок, единственный без собственного лица и места в семье, привыкший к внешнему взгляду серости.

Поддерживающий персонаж.

Самое забавное то, что эта картина не видится чем-то имеющим выход. Ты привыкаешь и живешь в заданных рамках, и выход ищешь в их же пределах.

Чьи-то истории достаточно красивы, чтобы страдания их носителей были достойны сочувственного внимания, а чьи-то – естественный фон.

Без фона нет картины – белый экран не представит среды, теней, света, и всего, что задаёт настроение.

Но фон и не замечают.

Его фигура везде была чужой, и это история многих героев – но над условиями видимости работает каждый сам.

...

– Так как ты стал...

– Я тебе не теория, чтобы складно работать.

Друг 2, который Мудрец-Наставник, или Мудрец-Наставник, который Друг 2, закатил глаза и продолжил:

– Могу догадаться, имеет место временной разлом.

Это некое параллельное я.

Я отыгрывал фигуру директора, как мог.

...

И она увидела.

Реальность, где избранным был давно убитый Неуклюжий Товарищ, а Мартин Сью сохранил свое имя и предлагал проекты инновационной магии авторских правил, поднимая людей против авторитетов консервативного министерства.

В этой реальности она сама, Тэ И, жарко целовала Друга 1, а его верный друг Друг 2 злобно ревновал к ней.

С каждой новой сценой воспоминаний Друг 1 набирал силу как нетерпимый маг, собирающий силы во имя сохранения текущего магического строя: становился всё более жестоким и революционно консервативным на глазах.

Избалованный мальчишка с разросшимся эго.

И отец Друга 2, всё ещё работник министерства, отправляет своего самого незаметного сына редким маховиком времени в прошлое, изменить ветку реальности будущего – ведь агент должен сливаться с толпой.

Легче приручить монстра, выращивая из него героя, чем оставить его в свободе и счастье.

К тому же это просто, если это – твой лучший друг.

Друга 2 волновало всего немного вещей по-настоящему – и они были очень приземлёнными и настоящими.

Прожить жизнь заново – под номером один.

А дальше...

Выкрутить на максимум свою помогающую роль. Ироничная эволюция.

***

– Ты свободно позволил себе уничтожить реальность Друга 1, чтобы сделать из него управляемого героя?

– А для этого нужен новый злодей вместо Друга 1 – ты как всегда безусловно сообразительна.

Мудро-Друг 2 смотрел поверх узких очков, совершенно безгрешно улыбаясь. Тэ И с трудом вынесла взгляд человека, образ которого разваливался. С другой стороны, это и есть главная карта колоды – шут?

Она собрала свои силы с помощью непреодолимой злости, которая стала концентратом всех личностей:

– Каково ощущать, что твой успех – результат хронического второгодничества?

Ей хотелось задеть того человека, который был ей хотя бы немного известен, побольнее.

Но он и бровью не повел:

– А вам?

Глава 27.

Обычный чёрный чай, особенно немного остывший и потому успевший выделить из себя концентрат вкуса – деликатес, тесно связанный с логикой времени.

Чёрный чай считается самым базовым напитком – глухим к личному отклику. При своей начальной температуре напиток обжигает, потому осязается как сплошная категория болезненности. Свойства чая, в контексте инструмента излечения или же в стадии подачи, опережают его вкус.

Но проходит время – чай остывает, показывая матовую плотность своей структуры.

Теперь это единственно узнаваемый и незаменимый в способе связываться со свойствами сред напитков.

Не хочется опощлять текст наивностью, говоря, кто кому стал чаем.

Но придётся – того требует правда, как абсолютно в той же логике любовь требует близости.

Тэ И стала чёрным чаем для Мартина.

...

Как сказал Мудро-Друг 2 (который до сих пор трудно осознавался тем Другом 2, которого она знала), её работа подходила к концу, и за счёт обитания в регистре временной линии сразу двух хроно-путешественников, одному из них полагалось убраться как можно скорее.

Внутри – сплошное скользкое пространство, на которое нельзя опереться.

Ещё один прошедший месяц имел все шансы стать стартовым основанием. Но это безвременье с заведомым знанием финала.

Тэ И знала, что выполнила свой план.

Она всегда многое знала.

Но всё ещё не знала главного.

А сейчас у неё была последняя ночь.

***

Сегодня что-то в их обоюдном движении друг к другу позволило найти золотую середину в каждом, которая сквозь время, жестокость и происхождение, нашла любовь.

Тэ И требовательно притянула его подборок к себе. Мартин с растворением в ней поддался, как и всегда. Но что-то в его открытости во всём мужестве противоречия себе, которую он сглатывал вместе с её влагой, слюной и кровью в течение многих месяцев, с таким сокрушительным признанием, сокрушило и её. Она мягче и медленнее обычного притянула его ближе, взяв лицо в свои руки, вжимаясь в его губы своими. Мартин от удивления открыл глаза, и его ресницы затрепетали.

Тэ И ощутила это.

– Глаза закрой. А то я передумаю.

Он покорно закрыл глаза и неуверенно потянулся к её ладоням на своём лице, накрывая их своими. Большими и тёп-

лыми.

Тэ И вздрогнула – она не ожидала всего происходящего, и особенно то, каким приятным может быть ощущение своей маленькой руки в его. Какая она по-человечески тёплая, слегка вспотевшая и мягкая. Она вспомнила своего кота, как он любил класть свою крупную голову на её руки – давно забытое ощущение.

Последний надрыв или окончательное прощание с собой. Его напряжённые плечи вскоре ощутили на себе ласковые прикосновения. И шокирующая нежность провела их дальше.

***

Впервые ночью он ощущал мягкость её внешне жёстких волос, которыми дышал, обнимая её сзади со всей откуда-то пробудившейся в нём бережностью, будто он не был тем ребенком, который разрывал все детские игрушки, моделируя смерть врагов.

Ему казалось, что это может испариться, и мысленно он пытался сохранить себя здесь, с этой девушкой, навсегда.

На следующее утро Мартин был уверен, что очнулся в новой линии судьбы, которой он был с самого начала лишён.

Яркое солнце ровной полоской падало на их кровать и освещало его бледную кожу, которая почти сверкала блёстками.

Но Тэ И рядом не было. Мартин подумал, что это к лучшему – переживание опыта вчерашней ночи требовало но-

вых оснований жизни, и он был готов дождаться её указаний, как Тэ И увидела бы их комфортными.

Значит ли это, что теперь они всегда могли быть такими вместе?

И как им нужно было быть вместе, что оставалось делать с его былым планом всемирного господства, который пока не был официально отринут среди его последователей?

Он не знал, но значение имело только хрупкое будущее, которое родилось между ними этой ночью. Всё остальное, казалось, было досадным и смешным фантазийным достижением, которое стоило бы оставить во вчерашнем мире.

С этими ровными мыслями он оделся и направился в большой зал.

Тэ И не появилась в большом зале за завтраком, не появилась за обедом и не появилась за ужином. Её не было в библиотеке, в башне или у озера.

Сегодня как не кстати учебный день, и безумец Мудрец Наставник ещё больше испортит ему настроение.

Но Мартин об этом не знает.

Как и о том, что Тэ И потеряла почву под ногами и нашла новое основание.

Имя ему – Мартин Сью.

Глава 28. Полёт над смертью

«Самое важное не утонает в потоке Времени, – вот что он должен был ответить Эри на прощание у финского озера, но не успел подобрать слова».

Харуки Мураками «Бесцветный Цкуру Тадзаки и годы его странствий»

***

Говорят, когда умирает частичка души, человек пролетает над смертью.

ГлавГад крутил палочку в белой длинной руке.

Это тот жест, которым крутят прядь кудрявых волос.

Тёмных кудрявых волос. Потому что других в руках Мартина не было.

Хорошая волшебная палочка даёт власть – над собой, а значит, и над миром.

И почему-то только власть гарантированно приятной древесиной всегда была с ним.

Он упал с небес на землю быстро, хотя попытки обмануть факты и продлились жуткой агонией.

Та, что была прописана любовью, ушла с забранной собой силой.

И появилась из-за неё же – странная девушка ещё не наступившего времени.

Он наткнулся на эту догадку из, парадоксально, рекомен-

дованного чтива Мудрец Наставника.

Боль, от которой он бежал и которую готов был признать, ударила с новой силой. Силой возврата в то же место, откуда он был родом.

Что делать с банально низменным чувством, как пишут и говорят, разбитого сердца, было непонятно. Очередная загадка из будущего.

Мартин больше не гулял по воспоминаниям. Он смотрел в далёкое будущее, чтобы увидеть эту дрянь.

Но для этого ему нужна вновь пустая душа без её течения по венам.

Можно ли очистить цельную душу, которая болит и заражает оставшееся пространство зловонной памятью, деформируя остатки пустотной свободы?

Нельзя. Душа не знает возврата.

***

Так случилась Первая-Жертва, извращенно целительно расколовшая его душу.

Так открылась глава первого преступления.

И, к ужасу миллионов, открылась не только она – открылась рана, кровь из которой затопит мир.

Глава 29. Зверь

*Так я и знал напёред,
Что они красивы, эти грибы,
Убивающие людей!
Кобаяши Исса*

***

Она вернулась в своё время. По закону хроно-движений, её отсутствие не было замечено.

Конечно, Тэ И с трепетом предвкушала изменения, что должны были обступить её со всех сторон. Что её ждёт в реальности, которая придёт на смену?

Предположения о том, как она внесла вклад в изменение хода истории, немного отвлекали от минувшего.

Мысль о том, что все действия Мудро-Друга 2 и вовсе остаются позади, и ужасный план участи всех шахматных фигур на доске социальных движений благосклонно отменяется её героизмом, дарила Тэ И всего лишь лучик, но настоящего солнечного света осязания жизни.

И всё же чёрное существо чувств свернулось калачиком в ней.

Она вернулась в свой первый день пятого курса в Школе.
И...

– Тэ И, иди сюда!

Её подзывал Друг 2. Длинное лицо в веснушках, светлые глаза – как она не замечала, что точно такие смотрели на учеников который год сквозь очки-половинки.

Раздражение, жгущее обидной петлёй – вот что почувствовала Тэ И.

Хотя нет, не совсем: в глазах директора читалась чужая жизнь.

А пока обычный, ещё не проживший себя всего Друг 2 недовольно продолжал:

– Ты где ходишь? Скоро десерт!

Тэ И рухнула рядом – нужно разведать обстановку.

Тэ И прожила другую, в разы более краткую и... честную жизнь, и?

Ничего не изменилось.

В газетах был всё та же Жертва ГлавГада прошлого года, а Друг 2 и Друг 1 говорили о тех же планах сокрушения мирового зла. Заголовок кричал: «Герой угодил в петлю лжи!»

Тэ И жевала остатки предложенных блюд.

К слову, о петлях.

Большая ирония – временные линии не имеют ничего общего с полосами. Это – кольца. Петли.

Мартин выбрал титул ГлавГада, убил Первую Жертву, сделал свой первый способ сохранять душу вдали от тела на основании их же теоретических бесед. А потом и не первый. Массово ищет и уничтожает всех категориально похожих на нее. Говорят, он неожиданно ожесточился на пятом

году обучения.

Тэ И не тешила себя ложными надеждами: она запустила эту ветку реальности.

И от этого некуда было бежать.

Глава 30. Восходящее Солнце

Смерть была близко. Она ходила рядом, поглаживая щёки неповинных друзей. Смерть Седрика была первой для Тэ И. Но ныне неубиваемый Волан-де-Морт впитывал в себя смерть, источая её зелёные искры и запах токсинов. Так он отводил её от себя, но продлял агонию миру вечно.

В первую очередь – в своём лице.

***

Осознание подкосило. От былой заряженности не осталось и следа – осталось только тайное чувство вины. Все её эксперименты не стоили ничего. Тэ И жила под слоем скрываемой само-отмены.

Попытка вернуться в точку до всего нового в себе всегда выражается сдавленностью. Такой человек живёт, сжимая гранату в руке. А значит, боится жить.

Былая эволюция нашла тупик – Тэ И ощущала грязь и слабость всего, что было связано с её попытками силы.

Так вместо разгорячённого напора и дерзкой ухмылки она пряталась под слоями памяти о себе. Ведь на её лучшей версии было клеймо, а по-хорошему – капкан, блокирующий движения.

Запертый в себе человек не делает многого, и тем более не развивается. Он пытается вернуться.

И она честно пыталась. Кажется, все были даже рады та-

кому удобному ампула «по-женски несдержанной» отличницы.

К чёрту – она настоящая сделала только хуже.

Да и что есть что. Миллионы чувств создавали миллионы сред внутри без шанса вновь спокойно знать про свою монолитность – возможная побочность хроно-перемещений. Либо ей не повезло ещё больше.

Люди вокруг, Друг 1 со своими проблемами, пока-еще-тот-же-Друг 2 не представляли, как бесценно – знать, кто ты. Ощущать себя в дословесных координатах, по которым ты способен искать или строить свой мир: излучать свечение в сети присутствия.

А она не знала. И на знание это не было сил.

***

Сколько она себя помнила, она была при мужчине – при Друге 1, который центрировал её жизнь, в меньшей степени при Друге 2.

В той жизни, которую она прожила, она сделала всё, чтобы не быть при чёртовом Мартине Сью. И у неё это получилось – как обычно для исторической отличницы, блестяще.

И при этом сейчас, в немагическом кафе с дрянным кофе из автомата, она хотела быть при нём – и за это ненавидела себя.

Неужели любовь неизменно из личности и вопреки всех усилий делает из женщины некую самую усреднённую из женщин?

Не вирус ли это под личиной природы и собственных желаний.

Она победила, и почему тогда она чувствует себя так паршиво?

Солнце слепит глаза, на улице красивый вид и беззаботные лица гуляющих пар.

Она помешала выданной палкой месиво в стакане – воронка из стаканчика смотрела на неё требовательно, ожидая продолжения рассуждения. Тэ И отодвинула её и легла на стол.

Спрашивается, для чего нужны были все эти усилия и движения, если сейчас она именно в этой точке?

Её сердцевина, самая явная внутри, заговорила своим голосом, полным оптимизма и надежды – что всё это нужно для того, чтобы прийти в лучшую точку, о которой она пока не знала.

И Тэ И поверила этому голосу. Что-то вызрело в темпе стыдливого ожидания.

Она всё же отхлебнула из стаканчика – не так и плохо, и улыбнулась солнцу. Нужно двигаться в будущее.

Глава 31. Река жизни

Что такое любовь?

Вопрос даже банальный, но всё банальное считается таковым только от нерешённости.

Это – волна. Способность считать сигнал.

Вообразите 2 приёмника – А и В. Оба излучают сигнал любви. Но это не любовь.

Потому что приёмник А не способен настроиться на волну приёмника В, вопреки наличия излучения от последнего.

В итоге любви как среды или сферы не образуется. И любовь как целое не свершается.

Это может казаться грустным в контексте истории ребят на этих страницах, и, если честно, в сознании автора долго жило другое знание счастливого финала. И знание счастья не избавляет от меланхолии остаточных страхов и привязок. Но это от невысказанного публично и честно.

Потому что писать надо настоящее счастье, а не выдуманное.

Поэтому пристегните ремни.

***

Как же я давно эту ночь ждал.

Свобода с обретением себя и отказом от концепта, не данного со стороны.

Он знал, что делать, и почему на вершине в любом случае.
Как же я давно эту ночь ждал.

Дыхание шло спокойно – была боль, но теперь я волен
быть.

Дышать стало легче. Махровый цветок был вынут из его
груди, и стрела больше не пронзала сердце со спины до плеч.
Он был в причинной пустоте, которая не пустота, а чистота
– он и ничего нет кроме.

Ничего чужеродного, которое он успел считать своим и
даже проявлять, как он думал, подчинять. Теперь на месте
пустоты была только любовь. Его собственная.

Свобода снова пришла.

А значит, и он сам.

Почему мы страдаем?

Мы жалеем лишь себя. Мы не хотим потерять силу, не
хотим потерять себя. И потому так и происходит – мысли
есть канал реализации наших мучений.

Но дело в том, что это вымышленный мир, где все роли
исполняются одним актёром – самим страдающим.

Поэтому маски сорваны, и можно спокойно спать.

***

Время застыло.

Тэ И увидела перед собой реку.

Она будто парила над землёй под ней, была невесомой,
сотканной из тумана.

Последний тонким маревом раскрывал перспективы го-

ризонта.

В картине преобладали серые тона, но грустно не было.

Она обнаружила, что была в капюшоне. Она сняла капюшон – её накрыл объём всего пространства, где единица – гуляющая свежесть.

На парящей воде большими фигурами расположились тёмные отпечатки.

Тэ И не узнавала этот берег, но он казался глубоко родным.

Последнее, что Тэ И помнила: это то, как она прикоснулась к крестражу с формулой активации временной ветки, спрятанной в нём. И очутилась здесь. Видимо, междумирье – где сходятся души.

Прошло уже 2 года борьбы с ГлавГадом. Тэ И жила так, чтобы с силой забыть суть прожитого по ту сторону реального и искупить неизмеримую вину своей тайны. Отряд имени Мудреца Наставника – её идея, ведь один точно в поле не воин, даже или тем более Друг 1. Желание поплатиться за свою ошибку стало тем сильнее, чем она бежала от факта, что этим хотела и своей смерти – смерти там.

Соппротивление Ему стало привычной идеей.

Но...

Рядом с ней встал какой-то человек.

Мартин.

***

Их с Мартином свело взаимное притворство и тайная

жажда любить.

У них было общее, да, но это было схождение на ограниченном промежутке временного пространства.

Тэ И знала, что конечно же есть где-то временная ветка, где она реактивирует крестраж как сохранитель вероятностей, и они с Мартином через дневник остаются навеки в той комнате с балдахинном, где они были счастливы и хотели другого будущего. Где они просыпаются тем же утром, не зная истории, и на его вопрос «И что теперь будет?» она с мягкой улыбкой отвечает – «Любовь».

Ведь Мартин стал таким из-за неё – зачем на него злиться.

Есть и вероятность, где она узнает настоящие мотивации Мартина – сделать мир лучше, и убийства и жестокость только предлог, а потому спасти такого благородного юношу, ещё и брошенному ей, такой негодяйкой, в жерло истории просто её святая обязанность.

А его акт убиения души через раскол, чтобы её забыть, и вовсе пик героизма.

Это так трогательно.

И спасти надо непременно тем же ходом – созданием двух ветвей реальности: где она как дубль побеждает ГлавГада (то есть тот осколок от Мартина, что разбушевался) со всеми, ценой перенесения себя настоящей в реальность, где есть Мартин до его дурного превращения.

Но все эти варианты лживы.

Это концепции «счастья на слезах» и игры во что-то на-

стоящее там, где его вовсе не было.

Мартин вообще боялся не быть во власти, был жертвой манипуляций и неспособности разобраться в себе.

Это задело, это и давало пищу мучениям.

Как и Тэ И – задушившая свою свободу чувством вины персона, стыдящаяся своей силы и её условий.

«Выращенные на драмах.»

Поэтому вместо конфетти, которые выдают себя за «счастливые финалы», было так.

***

Когда лично, всё равно бывает больно, даже если правильно.

Ему уже не хотелось быть с ней.

Он только страдал и жил идеей.

И разумный обоюдный уход был ценным, он впервые задышал собой и видел всё ясно.

Но пока некое желание забрать энергию у того, кто тебе не нужен, чувством его любовного страдания к тебе, периодически поднималось змеёй тревоги. Как бы сообщая о правильности решения, но своим темпом не устраивая. Был страх зависимости.

По сути ему было плохо, значит он и инициатор прощения.

Страх быть брошенным и при этом нежелание вообще сливать силу в остатке этой дурной связи были.

Тэ И на том конце ощущала что-то схожее. Хотелось быть

инициатором прощания, и по сути то, что он уходил в другой мир в эту же секунду, было хорошо – идеальный вариант, чтобы расстаться и встретиться в новом качестве в новом воплощении.

Но было неприятное чувство, которое пришло не сразу – а что с ним будет там?

В общем, зная и чувствуя, что люди не наши, мы всё равно можем побыть в своих страхах о том, не слабы ли мы в эту минуту ухода.

Даже может (и прилетит) на одну секунду чувство рефлексивного желания всё бросить и побежать, на прощание отжаться друг другу.

Но это всё в боли: и это знак, что туда идти не нужно.

Они освободили друг друга очень спорно, сложно и странно. Но через контраст условий косвенно помогли найти друг другу самих себя.

А если ты есть у себя, то и любовь уже на пороге.

Так ГлавГад умер с согласования смерти в этом междумирье, и его душа пойдет воплощаться для перепроживания инфантильных страхов дальше.

А Тэ И победила ГлавГада. Вновь нашла себя: она не ошибалась, когда была во власти, и не ошибалась, когда была добра.

И её жизнь сложится, как она хочет.

Всё только впереди.

Возможно, они ещё встретятся с Мартином, когда уже не

смогут друг друга узнать.

Но это будет очень нескоро и уже совсем не в прежней истории

– Ты любишь сюжеты любви, где один из героев умирает. Вот и воплощение.

Они с Мартином, с той частью души, что помнила и была жива, стояли и обсуждали варианты на этом странном берегу выдуманной реки. И главное – обсуждали суть чувства. Он говорил смешливо, стоя по левую руку у самой воды.

– Только вот мы не в любовной истории теперь: свобода от сюжетов. Да и смерть – один из шагов. Передавай привет моему коту.

Тэ И улыбалась в ответ. Когда они говорили про идеи в библиотеке, им было очень хорошо, как и сейчас. Только это не любовь. Почему всё хорошее есть такой большой соблазн перевести в это качество?

– Передам.

– И если будешь вновь живым, тоже.

Они обнялись. Она знала, что так правильно – она была у себя сама, а он был другим. И он это тоже видел и знал.

Так он прошёл поверх парящей воды. Обернулся, чтобы помахать, как всегда было, в последний раз. Всё-таки ребёнок драмы.

И растворился в бесплотном тумане.

Тэ И знала, что у неё есть ещё несколько минут, чтобы вдыхать этот свежий воздух в одиночестве, перед тем, как

она вернётся в момент прикосновения к крестражу, и уход, то есть реальная смерть, ГлавГада будет уже чистой формальностью: ведь остаток души под этим именем последует за основной частью души.

Всё было чисто и свободно.

А главное – у неё снова было будущее